М. К. Корбут.

Василий Константинович МАГНИЦКИЙ И ЕГО ТРУДЫ

1839—1901 г. г.

Издание
Общества Изучения Чувашского Края
Чебоксары, 1929 г.

М. К. Корбут.

Василий Константинович МАГНИЦКИЙ И ЕГО ТРУДЫ

1839—1901 г. г.

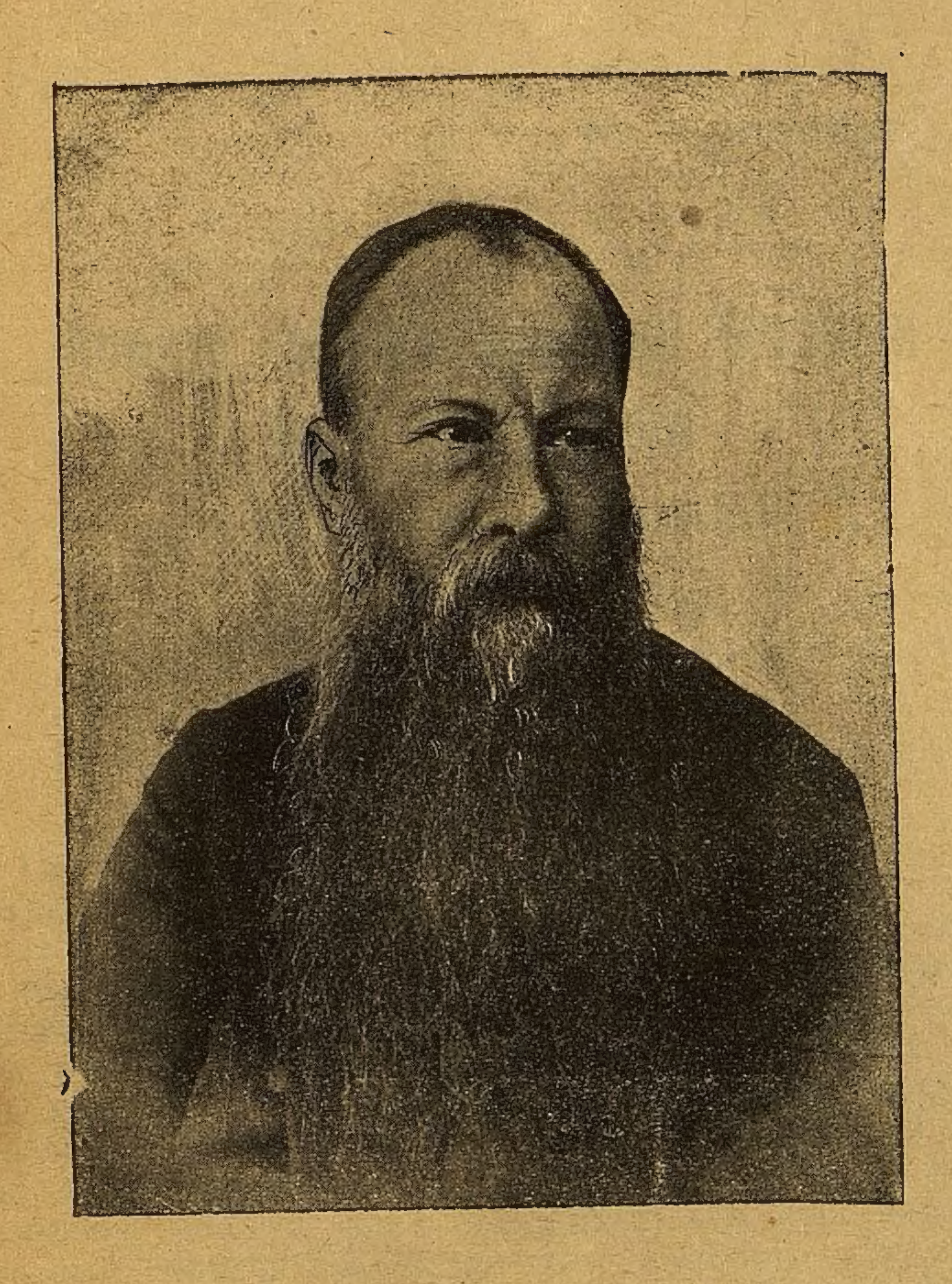
С портретом В. К. Магницкого и приложением двух ненапечатанных его работ и очерка проф. Н. В. Никольского

Издание
Общества Изучения Чувашского Края
Чебоксары, 1929 г.

Типография
„ЧУВАШСКАЯ КНИГА“
Чебоксары, Чувашская, 6.

Чувашлит № 1297 Заказ № 290 Нап. 1.000 экз

Магницкий
Василий Константинович.

М. К. Корбут.

Памяти первого краеведа Чувашии В. К. Магницкого.

(к 90-летию со дня рождения).

„Мы знаем все: ты стоишь
большей чести, но мы даем,—
что можем дать".

Н. Некрасов.

Памяти Василия Константиновича Магницкого "не повезло". Местные этнографы еще довольно часто ссылаются на две-три его капитальные работы, но и только. И даже они не знают, что он написал **сотни статей и заметок** по вопросам этнографии, истории и археологии нашего края и до сих пор не потерявших своего значения. Что же тогда и говорить, про широкие круги наших краеведов, для которых **Магницкий** подчас просто пустой звук. Здесь дело доходит даже до курьезов: кое-кто, знает, например, что был какой-то грозный попечитель Казанского Учебного Округа (в начале прошлого века) Магницкий, но не знают ничего про одного из первых краеведов Волжско-Камской Области, его однофамильца Магницкого. Не даром говорят, что дурная слава крепче и дольше держится в памяти, нежели слава добрая.

А Василий Константинович Магницкий заслужил хорошей славы, так как почти ни одна из сторон его

прошлой деятельности не может быть взята под сомнение или даже опорочена в наше время революционной проверки всего старого „инвентаря" и старого накопленного опыта, перешедшего к нам по наследству от царского режима. В. К. должен и сейчас являться **образцом краеведа**, быть каковым следует рекомендовать нашей молодежи, ринувшейся широкой волной в эту область интереснейшей и в тоже время и трудной работы.

I.

Родился В. К. 3 марта 1839 г. в селе Ядрино, Ядринского уезда, Казанской губернии. Он начинает знакомиться с жизнью, когда его отдают в Чебоксарское духовное училище. Действительно, битье „вервием по бедрам, десницей по ланитам" [1], которые он там не раз испытывал, оставило, повидимому, громадное впечатление на всей его психике и сделало из него энергичнейшего борца с этим злом школьного быта. Но не будем забегать вперед. По окончании духовного училища, он переходит в Казанскую духовную семинарию и помещается в интернат. Казалось, что перед ним открылась торная дорожка к поповству, к чему его звало и все прошлое его духовного рода: его дед, носивший фамилию Велелепов, был дьяконом в Казанской церкви г. Ядрина, а отец, уже Магницкий (К. Г.)- священником сначала в с. Ядрино, затем в г. Козмодемьянске и потом в селе Шуматове. Под влиянием каких суб'ективных причин—мы сказать не можем из-за отсутствия сведений, но в 1858 г. В. К. поступает в Казанский университет. Его отец, сам окончивший в 30-х г. г, Казанскую семинарию, не препятствовал этому. Называя поповскую жизнь „нищенской", отец В. К. следующих своих детей уже „определял" прямо в гимназию, что было в ту эпоху передовым поступком. Рассказывают, что когда архиерей Антоний, посетив как-то Шуматово и увидя, что дети попа одеты в гимназическую форму,

[1]) „По инородческому делу", „Каз. Губ Вед.", 1868 г, № 10, 3/II,

спросил К. Г. Магницкого „почему у тебя дети не в духовном“—он получил от него дерзкий ответ, „не хочу, владыка, чтобы дети мои ходили нищими с мешком по миру, как хожу я“.

Но если мы не знаем суб‘ективных причин побудивших В. К. пойти в университет и поступить на юридический факультет, то нам должны быть известны об‘ективные причины, толкнувшие его труда. Это были годы накануне освобождения крестьян, когда кругом запахло весной идущего обновления всех сторон общественного устройства. Это были годы, звавшие молодежь не к камилавке и к ладану, а к борьбе с теми язвами, которые в течение многих веков разрушали тело народов России. Для этого, конечно, надо было получить университетское образование, а не духовное.

С трудом перебиваясь в университете на скудные гроши, В. К. зато черпал там полными пригоршнями все то новое, что теми или иными путями уже начинало проникать и на кафедру и в студенческую среду. Эпоха пребывания В. К. в Казанском университете была „переходною от старых порядков к новым, от кутежей и карцера к интересам более серьезного характера, о которых в прежнее время страшно бы было сделать даже в разуме какое либо представление“. [1]) Студенческие волнения начали превращаться уже в бытовое явление, а их требования стали политическими, а не узко-студенческими или университетскими. Нам опять-таки не известно—принимал ли какое либо участие В. К. и в тогдашних студенческих кружках и вообще в студенческом движении, но мы знаем одно: „идейный заряд“, полученный В. К. в те годы в университете, был настолько сильным, что В. К. до последних дней своей жизни остался ярким образцом человека „шестидесятника“, построив на этом фундаменте свое народническое мировоззрение.

[1]) Н. Я. Агафонов. Воспоминание об А. С. Гациском. „Сборник в память Гацкого“. Ниж. 1897 г., стр. 34.

Да и как было не получить в те годы такого „заряда„ в Казанском университете тому человеку, который стремился не к карьере, а поставил себе задачу работать „на благо народа“? Ведь как раз, когда В. К. был на третьем курсе, в университете, хотя и кратковременно „царил“ знаменитый профессор русской истории А. П. Щапов, на лекции которого сходились не только все студенты со всех факультетов, но и с‘езжалась тогдашняя интеллигенция со всего города. **Идеи областничества и народности,** пропагандировавшиеся Щаповым, и стали краеугольными камнями всей дальнейшей 40-летней деятельности В. К. на благо местного края. Образ этого „первого революционера на кафедре“- А. П. Щапова, арестованного и увезенного в Питер после его известной речи в апреле 1861 г. на студенческой панихиде в память убитых в селе Бездна крестьян—образ этого „чуда“ тогдашней русской действительности, просвечивает, нам кажется, из-за строк почти каждой работы, статьи и корреспонденции В. К., зовущих на защиту затравленных инородцев, не имевших ни прошлого, ни настоящего, ни будущего в условиях царской Росси. [1])

А писать В. К. начал еще на студенческой скамье, посвятив первую же свою корреспонденцию чувашам. И не случайно заговорил он именно о чувашах в своей первой литературной работе: чуваш он в дальнейшем не раз называет своими „родичами“. Она была напечатана 4 марта 1861 г. в „Каз, Губ. Ведомостях“ и начиная с этой даты ровно в течении 40 лет имя Магницкого или его безименные корреспонденции мы встречаем во всех почти местных и во многих центральных изданиях, где можно было хоть что нибудь „устроить“ из быта туземцев Вол.-Камского края

Какие задачи он ставит перед сотрудником тогдашних газет, а следовательно и перед собой?—В письме

[1]) См мою работу: „Щапов, как родоначальник материалистического понимания русской истории“, Ученые записки Каз. Гос. Университета“, 1928 г., кн. 1.

к своему племяннику в 1891 г. он говорит: „Признаться тебе, я и сам долго весь смак корреспонденций понимал в трескучих фразах и обличительных отзывах, а не в изложении голых фактов. В 60-х г г., когда я еще студентом выступил на литературное поприще... со статьей о Шуматовском женском училище... иначе, впрочем, корреспонденции и не писали. Да и самая-то обличительная литература народилась в России после Крымской войны“[1]).

Желая, повидимому, предостеречь молодого человека от увлечений, которые могли навлечь на него немало неприятностей, он здесь, отчасти, просто клевещет на себя. Обличительность в его корреспонденциях и даже в официальных докладах, как мы увидим дальше, отнюдь не проходит с годами, а остается характерной его чертой. Вместе с тем в его корреспонденциях растет и стремление дать как можно больше фактов, так сказать в них все более усиливается этнографическо-исследовательский характер, насколько этим только не нарушались интересы газеты. Вот что он советовал И. Н. Юркину в 1899 г.:—

„Я вновь позволяю рекомендовать Вам писать не повести, в которых допускается вымысел, а бытово-этнографические очерки чуваш. Если бы Вы пожелали описать, например, как чуваши на вашей родине строят дома, где берут бревна, почем их покупают, какой толщины, сколько и на что, как выбирают место для построек и т. д., или: как собираются на сельский сход, кто в каком порядке подает голоса, о чем именно судят на сходе и т. д., то, я уверен, Ваши очерки охотно печатались бы в Губ. ведомостях“ [2]).

Здесь мы видим краткую программу тех требований, которую он проводил и сам в своей литературной работе в течение почти полувека. Хотя он и пишет тому же И. Н. Юркину, что—„никакой труд не причиняет

1) Из Елабуги М. и В. Аристовским 2/II. г) Используемые в работе письма собраны мною и будут переданы в кабинет Чувашеведения Вост Пед. Ин. (Казань).

2) Из Казани от 1/XI.

автору столько неприятных разочарований, душевных тревог, и подчас и материальных ущербов, как литературный“,[1]) но все же этот-то именно труд и дал ему возможность уже в 1890 году называть себя и скромно и в тоже время с гордостью „Казанский исследователь быта чуваш“ [2]).

II.

Мы несколько забежали вперед. По окончании в 1862 г. Казанского университета он „вступил в службу“, как говорит „аттестат“, выданный ему в 1895 г. при выходе в отставку, в Казанскую Палату Уголовного и Гражданского Суда, в число канцелярских чиновников. Пробыв здесь год, он „допускается“ к исправлению должности судебного следователя 2-го участка Чебоксарского у. (1863 г., 11/XI), а затем назначается в 1867 г. туда же и следователем, пробыв на этой работе ровно 14 лет (по 12/IV 1877 г.) и все время—в Чебоксарском уезде, в с. Беловолжском.

Надо думать, что эта работа его мало удовлетворяла.—„... Поселившись в конце 1863 г. в с. Беловолжском, говорит он Юркину, сильно скучал на первых порах, пока не стал получать в следующем году выписанных журналов. И праздник же был у меня, когда получалась та или другая книжка журнала. В эти дни я оставлял все и углублялся с утра до ночи в чтение“. [3])

Его угнетали, конечно, тяжелые условия деятельности и канцелярщина, которой он должен был отдавать массу времени, не имея возможности сосредоточиться на интересовавшей его работе—на этнографии. В. К. **можно в этом отношении сравнить** с другим, тоже еще не оцененным в должной мере, знатоком казанской старины и библиофилом Агафоновым. В. К. писал про последнего, являвшегося кстати его другом:

[1]) Из Казани от 1—XI 1899 г.
[2]) В письме к Юркину из Казани от 31/XII 1890 г.
[3]) Из Елабуги от 28—XI 1893 г.

„Сетование на удушающий канцеляризм мне часто доводилось слышать в Казани от моего приятеля Н. Я. Агафонова, занятого и преданного всецело умственным вопросам и в то же время вынужденного ради куска хлеба сидеть в канцелярии попечителя от 9 до 5—6 час. веч.“[1]).

В то же время следовательская работа давала ему богатую возможность, с одной стороны, честно относясь к своей деятельности (что тогда было редкостью) и идя на встречу обслуживаемому им населению, а им были, главным образом, чуваши,—на примере показать, что не всякий русский „чиновник“ является угнетателем и, с другой стороны,—все время сталкиваясь с туземцами, раз'езжая из конца в конец по всему „второму стану“ Чебоксарского уезда—он не упускал ни одного предлога, чтобы не проявить своих краеведческих способностей. Мы бы сказали, что он в этот период был, главным образом, краеведом, а потом уже, из-за куска хлеба, следователем. Думаем, что именно исходя из своего опыта он советует Юркину:

„Вам выгоднее пробраться в волостные писаря, состоя каковым вы честным ведением денежного счетоводства и делопроизводства принесли бы крестьянскому люду громадную пользу, а главное—имели бы возможность изучать быт своих родичей на месте“[2]).

Несомненно, что он был административным деятелем редких качеств в чувашском народе, куда царское правительство, как в ссылку, отправляло на службу таких пиявок и держиморд, каких и сейчас еще чувашин вспоминает с проклятием. Уже не задолго до смерти, в одной из своих очередных корреспонденций, он дал довольно смелое описание „деятелей“ среди чуваш, с которыми ему пришлось и встречаться и бороться всю жизнь, и которые окончили свое существование лишь с ликвидацией царского режима. Мы сделаем из этой корреспонденции довольно большую выдержку, ибо из

[1]) Из Елабуги, 19—V 1891 г.
[2]) Тоже, 21—X 1890 г.

нее мы поймем, что В. К. уже тогда боролся за идеи, нашедшие свое осуществление лишь после Октябрьской революции.

То обстоятельство, пишет он, что чуваши говорят тюркским языком, причиняет им немало неприятностей от разных русских деятелей; „эти последние, не желая знать никаких турецких языков, лишь только „залепечет" представший перед ними чувашин на своем турецком яз., обычно тотчас же начинают выкликать „всероссийскую мать" и приказывают „говорить по-русски". Про одного из русских деятелей нам рассказывали, между прочим, следующий несомненный факт. В один зимний трескуче-морозный день к этому деятелю является на дежурство чувашин и рекомендуется ему „по-чувашски". Деятель приказывает: „говори по русски", а закоченевший чувашин продолжает „лепетать" по-чувашски. За это разгневанный деятель отбирает у чувашина шапку и рукавицы и приказывает другому дежурному поставить его с голой головой и руками середь двора поучиться русскому языку. Через несколько времени деятель приказывает ввести ослушника, и тот начинает действительно об'ясняться с ним по-русски, успев отморозить во время учения все лицо и руки. Для характеристики деятелей у чуваш установились следующие выражения: „хаяр, пить хаяр, усал,—злобный, очень злой, или „вăл" „йăваш, ятласьмаст"—он кроткий, не ругает, или же „лайăх, пряда ятласьмаст" добрый, совсем не ругается. Ныне летом я был очевидцем, как 8-ми летняя дочь одного из русских деятелей, бегавшая по улице без няни, для устрашения проходившего по той же улице чувашского мальчика выкликнула ему с папенькими жестами „всероссийскую мать" [1]).

Что же касается его краеведческой деятельности в период жизни в с. Беловолжском, то надо сказать, что именно здесь он собрал громадное количество материалов, давших ему возможность написать ряд блестящих

[1]) „Волжский Вестник", 1896 г., № 1, 1—I. Корреспонд. из Шуматова.

работ, выявивших в нем чуткого этнографа, умеющего окунаться в самую глубь народной жизни. Работы его преимущественно посвящены чувашам, за исключением большой книги „Песни крестьян с. Беловолжского". Наибольший интерес возбудила его книга, выпущенная, правда, в 1881 г., но в основном написанная в с. Беловолжском „Материалы к об'яснению старой чувашской веры", не потерявшая своего значения до сих пор, и без ссылок на которую не обходится ни один автор, пишущий по этому вопросу.

Следующими за нею по важности являются книги и корреспонденции: „Нравы и обычаи в Чебоксарском у.", „Очерк юридического быта чуваш Ядринского, Козмодемьянского и Чебоксарского уездов", „О жертвенных приношениях чуваш" и т. д.

Наряду со стремлением приоткрыть завесу, застилавшую вопрос о происхождении чуваш, [1] во всех этих работах красной нитью проходит стремление доказать ту мысль, что чуваши—**тоже люди**, что относиться к ним, как к дикарям, как к париям недостойно для науки. В **наше** время этого не требуется доказывать, **тогда** В. К. явился в этой области своеобразным революционером, „опасным человеком"—в глазах одних, неисправимым чудаком, защитником „каких-то там" чуваш—в глазах других.

Скромно называя себя еще в этот период „не специалистом по инородческому делу", а просто **интересующимся** им, как уроженец чувашского селения, несколько времени обучавшийся грамоте в русско-чувашском училище, [2] он со всей силой обрушивается на тех, кто в большинстве случаев „вольно" с точки зрения русских „просвещенных цивилизаторов", а частью—невольно, возвели на чуваш горы вранья и извращений. Вот характерный пример в этом отношении, описанный им в „Материалах к об'яснению старой чувашской веры" (стр. 124—6).

[1]) Вселед за Н. И. Золотницким, которого В. К. называет „мой незабвенный учитель по исследованию быта чуваш". („Изв Общ. Арх., Ист. и Этногр", т. XIV, в. 4, стр. 410).

[2]) „По инородческому делу". „Каз. Губ. Вед.", 1868 г. № 10, 3.II.

„Я сообщил в 1869 г. в редакцию „Русск. Вед." случай нанесения одним чувашином Ядринск. у. в раздражении раны в живот самому себе, из страха же ответственности за то взвалившим вину на другого, и высказал, что случаи взваливания своей вины на другого у чуваш нередки, и что эти-то случаи взваливания вины известны у русских под названием сухая беда; но редакция закончила мое письмо: „в былые годы, чуваши из желания накликать противнику беду судом, вешались на усадьбе его, и это явление получило особое название „сухая беда", непотерявшее своего смысла и до настоящего времени". В опровержение описываемой клеветы на чуваш прежде всего замечу, что „сухую беду" знал и знает и русский народ и разделял ее в былые годы на конную и пешую. (Н. А. Фирсов. Инородческое население прежнего Каз. царства в новой России. К. 1869). Далее, если опровергаемый мною факт в действительности где и случился, то смело можно ручаться, что самоповесившийся на воротах прежде, чем кому либо из властей удалось увидеть эту картину. был бы немедленно хозяином ворот перенесен на чужую землю. как чуваши и сейчас поступают с каждым „чужим" покойником („Рус. Вед.", 1872 г., № 24), не смотря на весь страх, питаемый ими вообще к последним". „Г-жу Фукс (первую пустившую эту легенду в литературу в своих „записках", М. К.) нельзя не упрекнуть в легковерии уже потому, что почтенный ее супруг К. Ф. Фукс в одном из ответных ей писем, напечатанных в ее же „записках", привел статистику самоубийств в Каз. Губ. за 1834--6 г. г. с об'яснением побудительных причин к тому. Такими побуждениями к самоповешению были и есть у чуваш: 1) отчаяние, вследствие недостатка средств к пропитанию семейств и платежу недоимок, вообще бедность, 2) страх наказания за проступки (из частных рассказов мне известно несколько случаев самоповешения и самоотравления чуваш в арестантских помещениях вол. правлений и становых приставов). Эти две причины замечены г. Фукс специально у чуваш,

3) нестерпимые физические страдания от различных болезней при недостатке медицинских пособий и 4) пьянство, переходящее в умопомешательство".

Или другой маленький, но характерный факт, отмеченный им в „Русск. Ведом." [1]), в связи с описанием быта чуваш.

„Не легко достаются чувашам деньги, оттого они и благоговеют к ним, пишет он. Этнографы же, узнав, что чуваши иногда зарывают деньги в землю, приписали им какую-то врожденную скупость".

Но не только в отношении чуваш разоблачает он „историческую неправду", в'евшуюся в литературу. Он пользуется каждым случаем, чтобы выявить наружу те предрассудки, которые мешают народам Вол.-Камск. края понять друг друга.

Опять таки в тех же „Русск. Вед." говорит он про жизнь Чебоксарских татар.

„Соприкасаясь по торговле со всеми племенами и слоями населения России, татары, казалось бы, волей неволей, должны проникаться движением цивилизации; но они упорно сохраняют неприкосновенными свою религию и домашний быт и даже гораздо более русских умеют влиять на соседей своих—чуваш. Их хотя они и считают ниже себя, но живут с ними мирно; якшаются они и с русскими, но с ними у них ладов мало. Известно, что русский человек любит порисоваться своей религиозностью: входит татарин, не снимая тюбетейки, и вот первый предлог обозвать его нехристем поганым, уцепиться затем за магомета и кощунственно пройтись по нем. Мальчишки русские, завидев на улице татарина, не преминут схватить в руку конец полы кафтана и, потряхивая им, кричать: свина уха ащал?. Понятно, требовать от татарина в таком случае хладнокровного поведения бесполезно, и вот начинает изрыгаться из уст его самая площадная русская непечатная брань. Последнюю не только татары, но и чуваши и черемисы переняли от русских с безукоризненным совершенством.

[1]) 1870 г., 1—V, № 91. Корресп. „Из Каз. г., Чеб. у.", без подписи.

Повлияло соседство русской жизни на татар и еще в одном отношении, в умении пить водку"...

Везде и всюду, в научных ли своих работах, в корреспонденциях ли, в частных ли письмах—В. К. буквально пропагандирует о необходимости **любви** к „**инородцам**". Он никогда не пропускает возможности подчеркнуть все то лучшее, что замалчивалось или даже забрасывалось грязью русскими колонизаторами, а с их „легкой руки" становилась, так сказать, „общим мнением".

Мы может быть произведем некоторую нескромность, что опубликуем выдержку из одного его письма к Юркину, но оно настолько в этом отношении любопытно, что обходить молчанием это письмо мы считаем невозможным. Вот выдержка из него:

„Просьбу Вашу: письмо Т. А. уничтожить—выполнить я никак не могу. Дело в том, что мы, русские, считаем чуваш неспособными „любить" и „влюбляться "и совсем не признаем за ними чувства „деликатности". А между тем письмо Т. А. дышит именно крайней деликатностью. Я буду хранить его, как драгоценность. Признаюсь, я никак не ожидал, что чувашские девушки умеют так деликатно указывать „от ворот поворот". Вдобавок, до какой степени складно и правильно написано письмо по-русски. Чтобы не возбудить в Вас „ревность", я спешу поставить точку"[1]).

Поставим точку и мы, ибо прибавить к этим словам В. К. что либо весьма трудно.

III.

В 1877 г. начинается для В. К. новый период служебной и научной деятельности: в апреле месяце, по его личной просьбе, он назначается инспектором народных училищ Уржумского уезда, Вятской губ. К этой просьбе его несомненно побудило желание на более живом поприще принести максимум пользы тому же „инородческому" населению, работать среди которого

[1]) Из Елабуги, 25/XI—1892 г. Фамилию заменяем инициалами.

он поставил целью своей жизни. Пробыв в Уржуме три года, он по семейным обстоятельствам (смерть жены), а также, повидимому, и из-за неприятностей с земскими зубрами-помещиками, на чем мы остановимся ниже— в 1880 г. увольняется в отставку. Но уже в 1882 году мы его видим сначала инспектором нар. училищ Ка- занской губ., I участка, потом IV и, с 1890 г. Елабуж- ского уезда. Наконец в 1894 г., 3 сентября, по достиже- нии „пенсионного срока“ он уходит „на покой“.

Конечно, эта работа его удовлетворяла больше. Отсутствие всякой казенщины при подходе к инспек- тируемым им учителям, постоянное стремление быть только их старшим товарищем, а не бюрократом-началь- ником—сделало из В. К. любимца среди сельского учи- тельства. Его постоянные заботы об изыскании лучших способов по просвещению „инородцев“ и, главное, стре- мление к реализации в школьном преподавании родного языка, борьба с палочными методами воспитания, обращение с учительством и учащимся, как с людьми, а не как с арестантами—все это заставляло относиться „в верхах“ к В. К., как к подозрительному или, по крайней мере, к „беспокойному“ человеку.

Эта работа его удовлетворяла больше, но все же не целиком. Так или иначе он был по своему призванию и по своим склонностям человеком науки, а не прак- тическим деятелем. „Гнуть душой и телом“ перед началь- ством, чаще всего им презираемым, он терпеть не мог. Да и сделать что либо в тогдашних условиях полез- ного для крестьянских масс—было черезвычайно трудно, так как всякая попытка внести какую либо „поправку“ в слепо действующий механизм по обрусению инород- цев, встречала тотчас же, как по команде, дикий вопль чиновников и „охранителей порядка“. Сильно разоча- ровался он, повидимому, и в учительстве, на которое в начале он возлагал все свои надежды. В письме к Аристовскому он так характеризует учительство, правда средних учебных заведений, но надо думать, что так он думал в это время и о большинстве вообще всего учительства.

„Я буду очень рад, Миша, в какое высшее уч. заведение ты бы ни поступил... Пожалуйста, не избирай только учительства... в средних уч. заведениях: педагоги, как я теперь убедился, если не дают своим питомцам, как становые мужикам в зубы, то калечат нравственно и мучат души, не подходящие под их шаблон, почище становых .. Об этом, впрочем, подробнее когда нибудь после“... [1])

И вот нравственно и физически измучавшись на этой работе, уставая от постоянных раз‘ездов и необходимости непроизводительно тратить время на составление длиннейших отчетов о посещенных им школах, он все чаще и чаще упоминает в своих письмах, что он ждет не дождется того момента, когда он сможет выйти „на пенсию“ и заняться в Казани на полной свободе своей любимейшей краеведческой работой.

Все же никто не сможет сказать, что он не сделал ничего в пользу угнетенных народов Вол.-Кам. края на своем посту инспектора народных училищ. Он боролся за свои идеи все эти годы до самого выхода в отставку, отступая лишь тогда, когда встречал перед собой глухую стену недружелюбия, мракобесия и недоверия. Но отступал со сжатыми в бессилии кулаками.

Послушаем его первый же отчет о положении нач. нар. училищ в Уржумском уезде“ [2]). составленный им за 1877/8 уч. год. Он прекрасно выявляет взгляды и убеждения В. К., и служит ярким документом из истории народного образования в Вол.-Камском крае 50 лет тому назад.

„Занимаемые училищами помещения не только в наемных квартирах, но и в зданиях, выстроенных специально под училище, почти без исключений не удовлетворяют строгим педагогическим и гигиеническим требованиям... Особенно тяжелое впечатление производят помещения

[1]. Из Елабуги, 23-II. 1891 г.

[2]) „Журналы уржумск. уездн. земск. собран. XII оч. сессии (1878 г.)“ т .II Вятка, 1879 г., стр. 153—74.

для Лебяжского, Новоторьяльского и Эшимовского училищ; в первом из них с вывеской „Удельное училище“ небольшие квадратные окна, в двух только дальних стенах, прорублены на расстоянии сажени от полу до нижнего косяка, вероятно в предупреждение битья учащимися стекол,—от чего в классе, разделенном вдоль досчатой перегородкой на две половины, на партах у учеников, сидящих спиной к стене с окнами вместо полдня—сумерки, у сидящих дальше от стены рассвет и лишь на более отдаленных партах—пасмурный день... Зимой в 12 ч. дня в классе от темноты—хоть зажигай огни. Как по наружному виду, так и внутри Лебяжское училище, выражаясь народным языком,—ни дать ни взять пересыльный арестантский дом (этап), какие мне доводилось видеть по Каз.-Нижн. почтовому тракту. Новоторьяльское уч. с мочальными запорками, перекосившимся полом и стенами, нависшим потолком, дребезжащими стеклами в сгнивших рамах, чуть не вершковой повсюду пылью и это на пустыре, с открытым крыльцом, загаженными мочей и экскрементами нижними бревнами — скорее заброшенный со времен откупов питейный дом. Эшимовское, но для описания его я даже не нахожу слов: кому доводилось проезжать черемисскими селениями и видеть на задах их совершенно почернелые, полуразвалившиеся на пустыре избы после вымерших беспотомственно бедняков-жильцов—вот это и будет Эшимовское церк.-приходское училище. Одну из причин хозяйственной неудовлетворительности двух последних помещений я вижу в том, что собственник их с званием хозяина совмещает в своем лице еще звания: попечителя Новоторьяльского уч., протоиерея-настоятеля церкви и прихода, благочинного и земского гласного, что в некоторых случаях (485 ст. ул. о нак.) нашими законами карается, как подлог по службе“.

После этого, надо прямо сказать, замечательного описания тех внешних условий, в которых находилось тогда „народное просвещение“, он переходит к анализу внутреннего содержания работы школ.

„... Педагогический недостаток учителей тех училищ, в районе которых живут черемисы, это—незнание почти всеми ими черемисского языка, а поступающими в училища детьми черемис—русского. Относительно системы образования инородцев—христиан, училищным советом вменено в обязанность руководствоваться правилами, выработанными в Совете Министра Нар. Просв. 2/II—1870 г., при участии попечителей Каз. и Одесск. уч. округов... Основные положения этих правил между прочим гласят: а) орудием первоначального обучения для каждого инородческого племени должно быть родное наречие его; б) учителя народных школ должны быть из среды соответствующего племени инородцев и притом хорошо знающие русск. язык., или же русские, владеющие соответствующим инородческим наречием. Знакомый с положением образования инородцев в Каз. г., я, по приезде в прошлом году в Уржум, узнав, что в уезде проживает значительное число черемис, стал осведомляться, какие педагогические приемы практикуются относительно их и вскоре убедился, что—никаких"... „...И русские то крестьянские дети поступают в училища с таким умением выражать на словах получаемые ими впечатления, что их на первых порах называют: волчаты, дикари и т. д., почему новейшая педагогия и требует не тотчас давать ученикам книгу, а сначала вести с ним беседы об окружающей их новой обстановке. Можно теперь себе представить положение на первых порах в русск. училище ученика черемисина, не понимающего своевременно своего русск. учителя"...

„... Для поднятия умственного развития черемис и об'единения их через грамоту с русскими, я с своей стороны позволю просить собрание: открыть на земск. средства хоть одно училище в одном из многолюдных черемисских селений с учителем черемисином; 2-е,—в училища с русско-черемисским населением предложить управе рекомендовать в учителя, особенно же в помощники, лиц, умеющих говорить по-черемисски". „Учредитель Эшимовского—расходует из земского пособия

на содержание помещения 30 р, (в свое время куплен-ного, по рассказам, на дрова за 40 р. с.), 85 рубл. учителю (жалующемуся мне при каждом свидании, что жалование ему выдается четвертаками, полтинниками и рублями, да и то не 85 р.) помощнику 35 р. (отец его черемиссин... жаловался, что в действительности сыну его не дается и гроша)“

Эта записка В. К. обсуждалась на урж. уезд. земск. собрании 12 октября 1879 г. в присутствии председа-теля и 13 гласных. По высказанному уполномоченным от удельн. ведомства Дембровским мнению, читаем мы в протоколах, записка инспектора „есть какой то обвинительный акт, составленный как бы прокурорским надзором, она наполнена статьями улож. о наказан., но между прочим о педагогической стороне школьного дела в записке говорится весьма мало. Гласный г. Матвеев... высказал, что земскому собранию остается выразить сожаление о собщенных г. инспектором крайне прискорбных фактах, которые были заявлены им, к сожалению, в резких, до некоторой степени преувели-ченных формах и вместе с тем высказать надежду, что прений по сему предмету слишком достаточно, чтобы устранить указанные факты в будущем“. По мнению гласного Заволжского, „самое основание должности инспектора вызвано у земства единственно только жела-нием иметь в уезде лицо, специально подготовленное к педагогической деятельности для того, чтобы исправить недостатки преподавания в училищах... Администратора тем более карающего, каким является г. инспектор в записке, нам не нужно, администрация у нас есть своя, в лице управы, а не доставало... всегда только лица педагогического..., а это то одно и должно быть задачей г. инспектора“. (стр. 227—232).

Следовательно, помещики заседавшие в земском собрании ни слова не могли возразить по существу доклада. Пораженные впервые ими услышанным сло-вом правды об истинном состоянии дела народного образования в уезде, они лишь пытаются формально

отделаться от этого доклада и направить внимание „назойливого“ инспектора только на его педагогические обязанности. Такой администратор, как В. К., им не нужен, потому что он для них опасен.

Получив это „раз‘яснение“, В. К. на следующий год представляет несколько иной отчет, где он уже вскрывает те педагогические приемы, которыми пользуется значительное количество учителей. И картина опять таки получается убийственная. „...В одних селах церковные причты, вместо постройки учил. здания, ко дню осенних обзоров благочинными церквей уступают под училище передний угол на кухне с кухонным столом, учащихся заимствуют у деревенских в приходах учителей и по от‘езде благочинного училища немедленно закрывают; в других — прямо зачисляют в ц. пр. школы, устраиваемые по зимам, вопреки закону... заштатными, сверхштатными и исключенными из духовного звания по суду за пороки дьячками, отставными малограмотными солдатами, удаленными от службы за пьянство чиновниками и другими праздно штатающимися малограмотными грамотниками, приютивающимися вместе с навербованными ими мучениками-учениками точно также на кухнях и в негодных для жилья темных полуразвалившихся избах. С такими помещениями, в виду русского безденежья, скрепя сердце, можно бы еще мириться; но возмутительнее всего то, что перечисленные педагоги, в большинстве не окончившие курса не только в низших уч. заведениях, но и начальных, бессознательно продолжают практиковать притупляющие умственные способности и угнетающий физическое развитие учащихся старый букво-слагательный метод, с варварскими дисциплинарными мерами. Впрочем, что возмущаться невежеством самозванных педагогов, когда окончившие полный курс в духовных семинариях некоторые учителя—священники и даже законоучители земских уч-щ сознательно практикуют в своих церк. приходских школах (Цепочкинские, Лажское, Ергинское и Шурминское)...тот же буквослагательный метод, продолжая

морить учащихся с утра до ночи в неподвижном состоянии в темных и тесных помещениях за неприспособленными для детского сидения столами, за: аз, буки; бессмысленными: бры, вры и механическим набором мало понятных детям слов: аз, ангел, архангел. архангельский. Эти образованные педагоги в оправдание своих не педагогических приемов обыкновенно ссылаются на то, что новые приемы обучения не нравятся родителям учащимся у них детей...Действительно народ наш, за неимением для него в прежнее время училищ и подготовленных учителей, учившийся до последнего времени только механизму чтения и не осмысленному затверживанию помещенных в азбуках молитв у единственно знавших эту науку дьячков и пономарей, привык считать азбуку чуть не священной книгой...,но, очевидно, долг не только искоренителя в приходе разных суеверных обрядов..., но и каждого честного человека выяснить темному и непросвещенному народу, что заменой буквослагательного метода звуковым при обучении чтению и письму единственно имеется в виду достигнуть такого результата, какого при езде сам неграмотный народ достиг заменой употреблявшихся не в особенно давние времена полуаршинных выдолбленных кругляшей, какие, по рассказам, в некоторых топких местностях в Слободском у. употребляются и до сих пор, нынешними колесами, а в последнее время в тех же видах стал заменять деревянные оси у телег железными, старинные тяжеловесные коробья—плетеными корзинами. Эти всем известные факты до очевидности показывают, что наш темный народ, разумно направляемый, для улучшения в своем хозяйственном быту отнюдь не проч от нововведений“.

Последнее сравнение весьма интересно. Оно показывает, что его ум, привыкший к историко-этнографическим исследованиям и обобщениям и в педагогической практике дает ему возможность видеть действительность так, как она есть и умело намечать пути борьбы с косностью и консерватизмом.

И здесь, в новых местностях, во второй период его жизни он, как исследователь, не свертывает своей широкой, любознательной, краеведческой деятельности, а наоборот—по приезде в новую местность его талант „собирателя“, как бы даже развертывается с новой силой. Ведь куда бы он не приезжал, в Уржум ли, в Елабугу ли—везде для его пытливого ума находилось много интересного и для науки устного. Действительно, долго ли он пробыл в Уржуме, а все же, именно в бытность его там, он сумел собрать материал для двух ценнейших исследований, написанных уже в Казани: „Поверья и обряды в Уржумском уезде“ и „Особенности русского говора в Уржумском уезде“. И это не считая его корреспондентской деятельности и мелких статей и заметок, а также переиздания имеющего крупный интерес „Этнографического очерка неизв. автора XVIII ст. о чувашах“ с его предисловием и примечаниями. Тоже самое повторяется и в его бытность в Елабуге („Алфавит языческих имен черемис Елабужского у.“ и проч.) Мы не будем уже говорить о том, что в промежуток времени между Уржумом и Елабугой (с 1880 по 1890 г.) проживая в Казани и лишь по служебным делам раз‘езжая по соседним уездам, он имел возможность довольно много отдавать времени не только собирательской работе, но и научно-исследовательской; он принимает самое активное участие в деятельности общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, только что в это время возникшем, собирает образцы „чувашского шитья“, посланные им Моск. Этногр. Отделу и проч. и т. д.

Не остывает в этот период и его дух ратоборца за интересы мелких народностей Поволжья. Послушаем одну выдержку из его статьи, относящейся к 1891 г., мысли которой не потеряли своего значения и в наше время, еще продолжающейся ожесточенной борьбы с пережитками великодержавного шовинизма. Эту статью мы имели возможность восстановить в полном виде и пред-

ставим читателю то место, которое в свое время было вычеркнуто цензурой [1]. Статья за его полной подписью носит название „Чуваши“.

В ней он возражает на письмо Михневича: „Из тифозных деревень Цивильского уезда“, (№ 255 „В. В.“, переп. из „Новостей“), который характеристику чуваш начал „классической сплетней, воспроизведенной в печати в 1840 г. Казанской поэтессой А. А. Фукс“ о том, что чувашин до сих пор так дешево ценит свою жизнь, что, случается, в отмщение соседу вешается у него на воротах. Михневич писал: „чуваши искони были ничтожным народцем, который непрерывно покорялся и всячески угнетался более сильными пришельцами“. Отвечая ему В. К. пишет (абзац вычеркнутый цензурой): — „Небойким“ народом характеризуют чуваш и этнографы, но такая характеристика не мешает повторяться загадочному явлению в их жизни. Стоит только небойкому от природы инородцу более или менее шумно проявить свои потребности и желания, как из других уст тотчас же раздается грозное слово: „бунт“. Следственное дело иземлется из ординарной подсудности и передается на решение военного суда... Надеемся, казанцы не забыли состоявшийся года четыре тому назад... приговор Казанск. Военно-Окружн. Суда, по которому несколько человек чуваш Цивильского у. были приговорены „к повешению“ за убийство во время поземельных столкновений“. Клеймит, наконец, тех, которые „небойкость чуваш от природы“ превращают в тупость и неспособность их к умственным восприятиям. [2]).

Разве не согласится всякий, что такие слова, вдобавок написанные должностным лицом (инспектор нар. уч.), за полной подписью считались для тогдашней эпохи прямо небывалым явлением.

1) В библиотеке Каз. Гос. Университета хранятся экземпляры так называемых „цензурных“ комплектов газет, т. е. поступивших от цензора с его купюрами.

1) „Вол. Вестник“, 1891 г., 21—XI, № 265.

В письме к И. Н. Юркину (Елабуга, 5—XII, 1891 г.), он по поводу этой статьи говорит: „Статья моя „Чуваши“ чуть ли не на треть укорочена, частью, кажется, самой редакцией и частью, вероятно, цензурой. Что досадно, выпущена самая суть. К „равнодушию“ чуваш к смерти, по уверению Михневича (с чужих, конечно, слов) и „не бойкости“ их от природы, я прицепился только для того, чтобы указать на следующий возмутительный факт. Как только смирные чуваши более или менее шумно заявят о своих потребностях и желаниях—писал я—русские тотчас же кричат: бунт и затем начинают судить их военным судом. Но все это вычеркнуто. Вычеркнуто—не понимаю для чего?“

Борясь со свойственным ему жаром с отдельными проявлениями жандармско-мордобойной политики царских чиновников, он прекрасно понимал, что выход из тупика для малых народностей Поволожья приблизится лишь тогда, когда среди них теми или иными путями вырастет и получит соответствующее образование новое поколение, которое сможет во всю ширь поставить вопрос об эмансипации забитых „инородцев“. Поэтому с какой чуткостью, с каким трогательным вниманием он следит за каждым чувашином, проходящим трудный путь учебы. Оплакивая безвременно скончавшегося чувашского студента Охотникова, он пишет, например:

...„Сам я, уроженец чувашского села, прошедший университетский курс, не раз в беседах со своим отцом, по поводу успешного окончания курса чувашскими мальчиками в Ядринском уездн. училище, в котором я студентом бывал на публичных актах, задавался вопросом: дойдет ли когда-нибудь кто либо из чувашских мальчиков до университета? Точно не припомню, в октябре или ноябре 1888 г. ко мне на квартиру в Казани явился, неожиданно незнакомый мне молодой человек в студенческом пальто, сюртуке с голубым воротником и золотыми пуговицами и отрекомендовался—студент-чувашин Охотников. Не скрою, что первое впечатление получилось у меня не в пользу Н. М. Охотникова:

он показался мне даже непохожим на тех студентов, какими я знал их в свой университетской курс, в 1858—62 г. г. Но впоследствии он бывал у меня самым желанным гостем и собеседником". [1]) А годом раньше о том же Охотникове он говорил:

„О смерти Н. М. Охотникова сильно сокрушается и Д. Ф. Филимонов. Кто только шевелит мозгами, тот, конечно, к смерти его иначе и не может отнестись. Когда-то еще проберется в университет чистокровный чувашин и будет ли относиться к своим родичам так же симпатично, как относился Н. М. Охотников? Но... Да будет ему вечная память". [2])

Как он сразу подмечает всякого человека, вступающего на трудный путь исследователя местного быта, это хотя бы видно из громадного интереса, тотчас же им проявленного к выступившему на литературное поприще Н. И. Ашмарину. В декабре 1892 г. он замечает Юркину:

„По заметке (о книге Стукова „Волжск. Вест." 1892 г., ноябрь?), я составил себе о г. Ашмарине понятие, что это народившийся новый книжный деятель из нашего чувашского края". [3])

А в 1894 г., опять возвращаясь к Ашмарину он как бы продолжает:

„А ведь я считал Ашмарина уже окончившим курс. Не знаете ли куда он готовится по окончании курса? При случае напишите ему мой сердечный привет, как умственной силе родного мне чувашского края". [4])

И, наконец, в 1895 и 1897 годах фамилию Ашмарина мы вновь и вновь видим в его письмах к Юркину:

„Личность Н. И. Ашмарина меня до крайности интересует; в его лице, кажется, будет преемник Н. И. Золотницкого по научному исследованию быта

[1]) „Приволжские Чуваши". „Симбирск. губ. Вед.". 1892 г. 17,III. № 20.

[2]) Из Елабуги от 4-III-1892 г. к Юркину.

[3]) Из Елабуги от 24—XII.

[4]) Из Елабуги от 14—I-Юркину.

казанских инородцев. Не знаете ли Вы, для чего он живет в Казани и куда готовится на службу?" [1]) „Ашмарин составил в Казани чувашскую грамматику и чув. словарь, для которого-де у него набралось 20.000 чувашских слов и приступает к печатанию их. Не знаю, как Вам, а мне слышать это было крайне отрадно". [2])

А как он непрестанно заботится о своем частом адресате И. Н. Юркине, как он систематически из письма в письмо руководит не только его этнографической деятельностью, но дает ему массу практических советов. Не даром И. Н. Юркин считает В. К. своим учителем, но учителем своеобразным—через письма...

Как то кратко изложив в письме к Юркину биографию С. М. Михайлова (материалы собранные им для этой биографии „обещается обработать мой приятель Н. Я. Агафонов"), он пишет: „советую и Вам итти по стопам Вашего родича Михайлова, а не гнаться за литературной славой: она придет сама собой". [3])

Через 2 года он уже констатирует:

„А меня так от души радует положение, какое Вы начинаете приобретать среди этнографов на пользу презираемых русскими Ваших единоплеменников. Поминают добрым словом бескорыстных тружеников и не всегда благодарные люди". [4])

Он „от всей души" желает ему поскорее выбраться из канцелярии на более широкую самостоятельную дорогу". [5])

И к этому интересно прибавить, что он всячески предостерегает Юркина от мысли обращаться к властям за содействием в его этнографической работе. В нижеследуюшем отрывке из письма В. К. чрезвычайно ярко выявляется взгляд В. К. на методы собирания краеведческого материала в условиях царской России.

[1]) Из Шуматова, 4/XII—1895 г.
[2]) Из Шуматова, II-VIII—1897 г.
[3]) Из Казани, 29—XI—1889 г.
[4]) Из Елабуги, 11—V—1891 г.
[5]) Тоже, 6—V—1892 г.

„Ходить к губернаторам, чтобы они сделали распоряжение оказывать Вам содействие для этнографических исследований, —я не советовал бы Вам: во 1-х потому, что исправники, как только узнают, что потревожили их ради презренного чувашина, вместо содействия натычут Вам по пути столько булавок, что Вы жизнь свою проклянете; во 2-х, содействие исправников сразу придаст Вам оффициальное положение и вызовет со стороны чуваш, вместо доверения (доверия?—**М. К.**) подозрение в подвохе. Мне думается, Вам лучше всего, если найдется время, раз'езжать по чувашам без всякого содействия и помощи, не опасаясь, как русские, что звери чуваши ни за что, ни про что так сразу и растерзают“... [1]).

Активный „народолюбец“, мы бы сказали даже народник, так и сквозит из вышецитированных его писем. Он смотрит на „жалких чуваш“, как их до него именовали даже в пользу чуваш настроенные краеведы и исследователи из русских—**как на равных себе людей**. Это то как раз в первую очередь и замечалось каждым представителем мелких народностей Поволжья, имевших возможность вступать с ним в устную или письменную беседу. Разве не должна в этом отношение заставить всякого проникнуться любовью и уважением к В. К. следующая его приписка в последнем письме к И. Н. Юркину:

„Между прочим, скажите мне откровенно: не приходила ли Вам мысль, что я, называя Вас вместо „многоуважаемый“, просто „уважаемый“ тем самым считаю Вас ниже себя и других? Если да, то поверьте, что для меня „уважаемый“ выше „многоуважаемый“. Это, впрочем, только так, к слову“. [2])

Или разве такая фраза из письма к племяннику не выявляет полностью его физиономию истинного демократа, как в жизни, так и в науке:

---

1) Тоже, 19—V—1891 г.

2) Из Шуматова, 26—VIII—1897 г.

„Происхождение твоей жены из „подлого“ сословия, как у нас на Руси до недавнего времени именовалось крестьянство, меня нисколько не смущает: наоборот, меня сильно конфузило бы, если бы ты женился на княгине, графине или какой нибудь баронессе“. [1])

Да, приходится лишь высказать сожаление, что В. К. слишком рано родился. При царском строе он не смог развернуть и одной десятой своих способностей и талантов. Какое бы широкое поле деятельности открылось перед ним в наше время. Но, с другой стороны, наличие таких людей, как В. К. при царском строе не давало возможности сапогу царской администрации окончательно раздавить мелкие народности Поволжья. Хотя и скованный цензурой, голос прессы живо разоблачал особенно нетерпимые своевольства и факты расправы над „инородцами“. Развивавшееся же изучение „инородцев“, год от году срывавшее покровы „тайны“, окутывавшей происхождение малых народностей Поволжья и все правильнее и правдивее изображавшее их современный быт—ставило день ото дня все на более и более реальную почву вопрос о том, что „инородцы“ Поволжья, должны стать, наконец, равноправными. В этом отношении истинная наука помогала и движению самих „инородцев“ и их борьбе „за право“ и требованиям равноправия для всех народов, шедшим из недр российского пролетариата и революционных кружков. В. К. и был достойным представителем первых борцов полузакрепощенной прессы и первых истинно-научных краеведов нашей области.

IV.

С 1894 по 1901 год В. К. прожил почти безвыездно в с. Шуматове, Ядринского у. на положении „отставного статского советника“. Ему шли уже шестидесятые годы, но молодой дух борца за интересы „милых ему“ „инородцев“ и беспокойный интерес исследователя не позволяют ему уйти „в отставку“ от тех основных по

[1]) К В. И. Аристовскому из Шуматова, 4—II—1900 г.

существу областей работы, которым он отдал целиком и полностью всю почти уже прожитую жизнь. В эти семь лет пребывания в Шуматове, он ни на минуту не думал, что смерть стоит уже за его спиной. Наоборот, мы имеем основание предполагать, что он рассчитывал еще много и много поработать уже теперь исключительно для чуваш. Он затевает крупнейший труд по описанию всех селений нынешней Чувашской Республики [1]), производит обработку собранного им колоссального материала, вошедшего затем в изданное уже после его смерти одно из капитальнейших его исследований „Чувашские языческие имена" (здесь собраны 10.587 имен), печатает почти из номера в номер чрезвычайно ценные статьи в „Известиях об-ва арх., истории и этногр. при Каз. университете" и в „Трудах Нижегородской Архивной Комиссии", „строчит" корреспонденции (по его собственному выражению) обычно без подписи в Казанские газеты: в „Волжский Вестник" и „Волжско-Камский Край", участвует как „счетчик" во Всероссийской переписи 1897 года, производит метеорологические наблюдения в специально выстроенной и оборудованной им „будке" по поручению Казанской Метеорологической Обсерватории, помогает каждому приходящему к нему крестьянину юридическими советами и проч. и т. д.

К этому, так сказать, заключительному периоду его жизни относится и ряд его печатных выступлений для доказательства абсурдности обвинения вотяков в человеческих жертвоприношениях. Состряпанное царским правительством, так называемое „Мултанское дело" 1895 года об'единило всю прогрессивную российскую общественность, во главе с известным писателем В. Г. Короленко, на защиту вотяков от занесенной над ними кровавой руки царского правительства. Постановкой

---

[1]) Проделанная им в этом отношении довольно большая работа хранится в кабинете чувашеведения ВПИ и отчасти в архиве общества арх., ист. и этн. В первый ее передал в конце 1927 г. внучатый племянник В. К.—М. К. Корбут. Туда же им передается и вся переписка В. К. как использованная, так и неиспользованная в настоящей работе.

этого процесса правительством производилась как бы репетиция более грандиозного в дальнейшем и прогремевшего на весь мир „дела Бейлиса“. Как в Мултанском деле, так и в деле Бейлиса фактически творился суд над народами, в первом случае—вотским, во втором—еврейским, были предприняты попытки изобразить эти народы народами варварскими, стоящими на „дикой“ ступени культуры и таким путем предполагалось оправдать, как бывшие, так и будущие издевательства над ними и их угнетение.

Мы рады констатировать. что В. К. прекрасно разобрался в этой закулисной механике царских чиновников и с фактами и доказательствами в руках, везде где можно, опровергал нелепый кровавый поклеп на вотский народ, поклеп, поддержанный, к сожалению, даже одним из профессоров Казанского Университета.

* * *

Кипучая деятельность В. К. обрывается довольно внезапно. В последний год жизни ему пришлось чрезвычайно много волноваться. Дело в том, что согласившись, по просьбе крестьян, быть церковным старостой (ведь в то время люди неверующие были редкими исключениями! Про В. К. же можно, пожалуй, сказать, что он был лишь формально религиозным человеком, чем и об‘ясняется его нелюбовь к ханжам и миссионерам), он начал отчаянную борьбу с грабежом крестьян, каковой творили попы, прикрываясь именем Христа. Но предоставим лучше слово по этому вопросу ему самому—

—„Меня с половины декабря и до 13 января волновали думы из-за отчета о церковных суммах; с 14-го же января—мошенническая проделка, учиненная благочинным при сдаче ему с отчетом денежных платежей, причитавшихся с Шуматовской церкви. Проделка благочинного вызвало во мне такое нравственное потрясение. что я на другой же день послал ему отказ от церковного старости, а успокаиваться начинаю лишь сейчас [1]).

[1]) В. И. Аристовскому из Шуматова 4—II—1900 г.

—„Всю истекшую зиму и весну по должности церковного старосты я до бешенства волновался из-за злоупотреблений в церковном хозяйстве. 3 мая со „старостством“, наконец, расстался, вынесши убеждение, что путем незаконных поборов и „подлогов“ в карманы причта перепадало церковных сумм в год не менее 200 р.“ [1]).

И, наконец, письмо за полгода до смерти:—

—„Чем больше я знакомлюсь с церковными порядками тем больше убеждаюсь, что попы воистину дерут (к несчастью для крестьян, закрепощенных попам) безнаказанно и с живого и с мертвого“. [2]).

Разоблаченные попы не оставили его в покое. В конце февраля 1901 года один из них целый день посвятил на доказательство того, что поповское обдирание крестьян, исстари установившееся—вполне законно. В. К. настолько разволновался, что в ночь после этого неприятного разговора и в результате, повидимому, целый год продолжавшихся волнений на этой почве—с ним произошел удар. Выходя ночью в сени (чтобы „отдышаться“), он простудился и на 12 день после начала болезни, умер от воспаления легких в 7 часов утра 4 марта 1901 года.

В одном из своих писем В. К. говорил:

—„Более писать не могу, потому что нахожусь в страшном горе. Мой золотой племянник Миша Аристовский, студент Казанского Университета, которого я воспитывал и ради которого не женился во 2 й раз, скончался в Чебоксарах... Жаль мне его более чем родного сына (которого я не имел), потому что он интересовался моими занятиями и еще в последнем классе гимназии, по моем от‘езде из Казани в Елабугу, начал помещать корреспонденции в Казанских газетах. Теперь рухнули все мои мечты и надежды“. [3]).

В. К. думал, что еще долгие годы мелкие народы Поволжья будут насчитывать лишь единицы срели своих

[1]) В. И. Аристовскому, из Шуматова 16/VI—1900 г.
[2]) Тоже, 11—VIII—1900 г.
[3]) И. Н. Юркину, 3—II—1992 г. из Елабуги.

друзей из русской нации и немногие десятки среди своих народов, получивших высшее образование и могущих отстаивать права и интересы своих наций. Он не предполагал, что великая Октябрьская революция была уже „не за горами", а потому, держа на учете те немногие единицы, которые выявили свою преданность идее освобождения народов Вол. Камск. Края от гнета великодержавной нации, он с неописуемым горем провожал в могилу умерших среди них черезчур рано. Да, он, далеко не революционер, но сохранивший незапятнанными лучшие традиции народничества (периода его возникновения), не мог расчитывать на приближение коренного изменения существующих устоев самодержавной монархии в близком будущем.

Несколько лет тому назад, во время каких то похорон, на том шуматовском кладбище, где были похоронены в 1901 году останки В. К., одна девушка бросила камень в стеклянный футляр, в котором заключен венок, висевший на памятнике над могилой В. К. Футляр был разбит, а девушка вскоре случайно умерла. Среди темного еще населения поползли слухи, что умерла она не случайно, а что ее покарали некие таинственные силы за проявленное неуважение к покойному В. К. Спустя немного времени, пропадает образок вделанный в венок. Но не прошло и года, как образок опять появился, а так как венок за эти месяцы уже растаскали, то этот образок принесший его заделал под стекло в отверстие памятника. И опять среди населения думали, что, повидимому, в дом того, кто позарился на образок вошло какое либо несчастие и он поспешил принести его обратно. [1]).

Таким образом среди даже несознательного населения имеется какое то суеверное уважение к памяти

[1]) По рассказу сестры В. К.—А. К. Магницкой, до сих пор проживающей в с. Шуматове, где В. К. провел свои последние годы. Кстати общеизвестно, что те чувашские крестьяне, которые еще в своей массе далеко не просвещены антирелигиозной пропагандой, боятся образов. Напр., найдя образ и считая это несчастьем, стараются от него „отделаться".

В. К., хотя со дня его смерти прошло 28 лет и притом **каких лет**! И задача нового поколения, задача чувашской молодежи превратить это суеверное уважение в уважение сознательное, в уважение памяти пионера чувашской культуры. И сделать это не так трудно. Ведь теперь уже не единицы, на которые расчитывал В. К. и которых воспитывал, как мог и как умел, работают для возрождения чувашской нации, а сотни и тысячи выходцев из самого чувашского народа.

Н. В. Никольский.

В. К. Магницкий, как этнограф.

В. К. Магницкий занимался изучением русских, чуваш, мари, вотяков, мишарей, мордвы. Наибольшее внимание он уделял чувашам, так как большую часть своей жизни провел среди чуваш.

Как этнограф, В. К. М. считает своим долгим установить точное название изучаемого народа. В отношении каждой нерусской народности он ставит вопрос: как называется она в настоящее время и насколько это название правильно, как называлась она в прошлом и почему. „Опубликованием списка селений „**мишарей**" мы желали бы", пишет В. К. М. в 1900 г., „вызвать между прочим, оффициальное признание особой народностью инородцев, именующих сами себя „мишарь", и выделение этой народности из группы инородцев, именующей себя собирательным русским именем „татары" (в действительности—омагометанившиеся чуваши, черемисы" вотяки и т. д.). Исторические данные в пользу самоназвания изучаемой народности еще более убеждали В. К. М.-го в правильности его точки зрения. „Последние изыскания исторических данных о чувашах привели нас к убеждению, что в XVI и XVII столетиях „**татарами**" именовались в актах, главным образом, **низовые чуваши** (анатри), верховые же (тури—иначе: вир-йал), живущие на правом берегу р. Суры, в пределах нынешних уездов: Курмышского—Симб. г., Ядрин. и Козмодемьянского—Казанской до 1-й ревизии (в 1718—1722 годах, по Чебоксарскому уезду) в актах именовались оффициально даже в Ядринской и Чебоксарской воеводских канцеляриях чуждым им

именем „черемисы“, или полнее, „горная черемиса“, а иногда „горные служивые татары“ (Изв. Общ. А. И. Этн. при Казанск. Ун. т. XVII. 1, стр. 123, 124). Эти ошибки старых актов, по об'яснению В. К. М., происходили частию от этнографической безграмотности и равнодушия старинных служмлых элементов, частию и от недостаточной внимательности их к установлению подлинного названия подведомой им народности.

В частности, отождествление чуваш Присурья с марийцами в актах 16 века, по мнению В. К. М., вызвано было сходством одежды горных мари и их соседей чуваш (Русск. вед. 1870 г. № 39).

Физические и духовные особенности народностей Поволжья В. К. Магницкому представляются совершенно иначе, чем его предшественникам и отчасти современникам по этнографии. Вопреки категорическим заверениям последних о тупости и вымирании народностей, В. К. М. утверждает живучесть и большую склонность к усвоению культуры у так назыв. „варваров Поволжья“. „Не тупоумие“, как заявляли исследователи, а отсутствие правильных методов работы, было причиной неуспеха школ 16—19 века: славянский, а потом русск. язык преподавания—отбивали у учащихся чуваш, мари вотяков охоту учиться. Необходимость родного языка в деле школьного преподавания в отношении славянских народностей доказывалась 300 л. назад Каменским, а в отношении Поволжских народностей эта мысль стала проводиться лишь со времени Н. И. Ильминского и уже налицо осязательные результаты. Поэтому, говорил и писал В. К. М., необходимо озаботиться изготовлением и изданием литературы на языках: чуваш, мари, вотяков, кряшен, мордвы.

В подверждене своей мысли о культурной восприимчивости у народностей нерусского языка, В. К. М. приводил данные о школьной работе с родным языком преподавания. А чувашский писатель Спир. М. Михайлов (1850 х годов) давал ему право утверждать, что чувашский народ в состоянии усвоить и высшую европейскую ку. ьтуру.

Самое существенное доказательство духовного богатства или бедности народа В. К. М. видел в языке его. Этим об'ясняется его продолжительное и кропотливое собирание материалов по народному языку. По мар. языку В. К. М. собрал до 1000 разных слов, обозначающих собственные имена мари, по чувашскому языку—10587 собственных мужск. имен и около 1000 женских. „Как ни велико это число, но им, оказывается не исчерпываются все личные имена, употреблявшиеся чувашами" (Чуваш. языч. имена. Казань 1905 г., стр. 13). Собиранием хорографических названий имелась в виду отчасти та же цель—выяснить размеры языкового богатства того или иного народа.

Русские историки, по вполне понятным для русификаторской эпохи причинам, не занимались ни исторической географией чуваш, мари, и проч., ни культурной их историей. Эти народности были „обречены". Для В. К. М. вопрос стоял иначе: нет народа господина и нет народа-раба; поэтому и историческая география и культурная история так наз. мелких народностей должны разрабатываться, иначе многие вопросы этнографии останутся не разрешенными. В. К. М. составляет списки волостей и деревень Чебокс., Козм., Ядринск. у., по фолиантам 1-й народной переписи (1718—22 г.), дает об'яснения названий селений Казанск. губ., пользуясь для этой цели своим „алфавитом языческих имен чуваш".

Для изучения материальной культуры чуваш и др. наций В. К. М. считал обязательными, кроме материалов современности, материалы исторические и археологические.

Описывая одежду чуваш, напр. Чеб. у., В. К. М. не ограничивается лишь данными современности; он использовывает данные изучения материальной культуры чуваш в ее динамике. В. К. М. собирает материалы по археологии чувашского края.

Вопросы пищи и одежды чуваш, занятий их, природы чувашского края В. К. М. ставит очень часто в

своих журнальных и газетных статьях и разрешает их
в отношении тех мест, где производились им наблю-
дения, почти исчерпывающим образом.

Характерна у В. К. М. постановка вопроса о бра-
ках у чуваш. Здесь он применяет статистический метод.
Он разрабатывает данные документов оффициальных
учреждений и делает соответствующие выводы (Изв.
Об-ва А., И. и Этн. при Казанском Ун-те т. X, вып. 2)

Много труда положил В. К. М. на изучение чуваш-
ского устного народного творчества, особенно веро-
ваний чуваш. Часть собранного материала напечатана
под заглавием: „Материалы к об'яснению старой чуваш-
ской веры" (Казань. 1881 г. 8⁰, 268 стр.). „Нравы и обы-
чаи в Чебоксарском уезде" (К. 1888. 8⁰VI.+18.) Много
ценного материала В. К. М-го хранится в рукописном
отделе кабинета чувашского языка и культуры Восточ-
ного Педагогического Института в г. Казани. Без мате-
риалов В. К. М. трудно работать и этнографу и фоль-
клористу и историку, не только чувашского народа,
но и вообще народностей Волжско-Камского края.

Материалы В. К. М. записаны с соблюдением тре-
бований, какие существуют в отношении собирателей.

Описывая ту или иную сторону чувашского быта,
В. К. М. старается дать исчерпывающую библиографию
по данному вопросу, „чтобы облегчить работу даль-
нейшего исследования".

Будучи этнографом по природе, В. К. М., однако,
не имел возможности дать науке какие-либо моногра-
фические исследования этнографического характера.

Не имея перед собой материала, который был бы
достаточен для соответствующих обобщений, В. К. М.
заботится главным образом о собирании материала.

Так как этнограф данного народа должен не только
описать народ, но и об'яснить этнографические факты,
то задачу свою, как этнограф В. К. М. мыслил таким
образом. Для этнографии нужны данные:

а) статистики, б) экономики, в) естественной истории края, г) культурной истории края, д) исторической географии, е) фольклора, ж) обычного права. з) лингвистики, и) археологии.

И в рукописном собрании материалов В. К. М., каковых в кабинете чувашеведения Вост. Пед. Института в Казани всего 21 том (каждый в формат писчего листа в об'еме от 400 до 800 стран.), мы найдем обильные материалы по всем этим разделам науки. Львиная доля этих материалов досталось чувашской этнографии.

Рукописное собрание бумаг В. К. Магницкого, переданных М. К. Корбут кабинету чувашского язка и культуры Чувашского отделения Восточного Педагогического Института, хранятся в каб. под. № 1097.

Том. I.	Стр.	12—125.	Опыт историко-географического словаря Казанской губ.
	Стр.	142—165.	Чувашские обряды, обычаи, суеверия.
	„	166—167.	Назв. божеств и молитвы им.
	„	168—174.	Предания о кереметях.
	„	228—245.	Чуваш. праздники, заговоры.
	„	268—272.	Курганы Ядринского уезда.
Том. II	Стр.	5—8.	Переживания древней культуры у жителей Чебоксарского уезда.
	„	24—33.	Бранные и унизительн. названия.
	„	34—52.	Побаски и пословицы.
	„	52—54.	Беременность и роды.
	„	54—58.	Загадки.

Том. II. Стр.	58—67. 84—86.	Детские забавы.
”	60—64.	Стихи.
”	68—70.	Верования. Заговоры.
”	74—75.	Снотолкования.
”	75—79.	Предбрачные гадания.
”	129—173.	Народные песни (1879 г.).
Том. IV.	—	Помочи у чуваш.
		Боги. Обряды с.-х. характера.
Том. V.		Мишари.
		Государевы и ясачные люди по 2-й переписи 1742—1748 г. Чеб. у.
Том. VI. Стр.	49—51.	Чувашские киреметы.
”	58—61.	Слова Хозя, Козя.
”	68—70.	Фамилии чуваш Ядрин. у.
”	74—77.	Вызов удельных мальчиков в Москву.

Далее идут: План удельн. прих. учил.
Сорач-ори.
О Н. И. Золотницком.

Том. VII. Свадебные обряды чуваш д. Масловай. Чеб. у.
Русские песни.

Том. VIII. Путевые заметки 1863 г. (Чеб. у.).
Заметки по обычному праву чуваш.
Деревни чувашские и хронология их.

Том. IX. Списки населенных мест Ядр. у.
Земельные дела чуваш.

Том. X. Материалы к об'яснению старой чувашск. веры.
Критика статьи Меньшова, помещенной в Зап. Оренб. отд. Русск. Геогр. Общ.
Этнографические наброски.
Происхожд. и значение названия Сарда, Серда.
Переживания древней культуры чуваш Чеб. у.
Бранные и унизит. слова.
Приметы, поверья.

Том. XI.	Документы I-й полов. XIV в.
	Очерк юридич. быта чуваш Козм. у.
	Копия 19 в. с документа 1662 г.
	Копии с докум. XVII в.
	Хĕр-сăри.
	Названия селений и об'яснения их.
Том. XII.	Нар. верования и обряды в Уржумск. у.
	Болезни, их лечение у русских.
	Чув. праздники. Сказки.
Том. XIII.	Селения Ядринского уезда.
Том. XIV.	Продолжение.
Том. XV.	Предания мари (черемис).
	Имена мужские и женские у мари и чуваш.
Том. XVI.	Обряды при рождении детей.
	Семик и другие праздники.
	Поминки.
	Прикамские сатирич. песни.
	Браки чуваш.
	Марийские (черемис.) имена.
Том. XVII.	Приходские попечительства,
	Школы.
Том. XVIII.	Поверья и обряды. О жилищах.
	Приметы порочной жизни.
	Ворожба.
	Выбор должностных лиц.
	Чувашские имена.
	Селения.
	Документы I-й полов. 19 в.
Том. XIX.	Училищное имущество (хранение, учет).
	Словарь для об'яснения названий селений.
Том. XX.	Документы 2-й полов. 19 в. по зем. делу, по школьн. делу.
Том. XXI.	Обычное право чуваш (материалы по чебокс. у. 1880 годов).

П р и м е ч.: Часть этих материалов напечатана в журналах, газетах и отд. брошурах В. К. Магницкого, но большая часть ждет разработки и издания. 1-ю задачу берет на себя чуваш отд. яз. и культуры Вост. Пед. Института в г. Казани. Кто издаст эти материалы, пока не ясно.

УКАЗАТЕЛЬ
трудов В. К. Магницкого с их кратким описанием (1861—1919 г г.)

Составил доц. Казанского Университета М. К. Корбут.

Составленный Ант. Ивановым „Указатель книг, брошюр, журнальных и газетных статей и заметок на русском яз. о чувашах“ [1]), хотя и изданный после смерти В. К. Магницкого, включает лишь несколько работ Магницкого, что служит одним из доказательств его крайней поверхностности и неполноты. Также не может претендовать на полноту список работ Магницкого— Н. В. Никольского, помещенный в „Изв. Об-ва арх. ист. и этн“. (т. XXX, в.2). Гораздо полнее их обоих сводка „литературных трудов В. К. Магницкого“, сделанная другом В. К.—Н. Агафоновым и помещенная в приложении к его биографическим данным.[2]) Но и эта сводка не претендует на полноту.

Для составления нашего указателя мы использовали, как библиотеку покойного В. К., так и богатое книгохранилище Казанского Гос. Университета. Наш указатель тоже не может быть назван абсолютно полным, но мы хотим все же сказать, что мы сделали все, что было в наших силах чтобы подойти к этой „полноте“.

Кроме того наш указатель отличается от других и тем, что мы снабжаем его кратким описанием трудов, что сразу даст возможность интересующимся тем

1) „Изв. Об-ва арх., ист. и этн.“, т. XXIII, в. 2 и 4

2) Н. Агафонов. Казань и Казанцы, К. 1906 г.

или иным вопросом определить—нужен ему или нет тот или иной труд или статья В. К., без долгих поисков самой работы.

Расположив труды Магницкого в строго хронологическом порядке (соответственно времени напечатания их), мы применили след. сокращения названий газет: „К. Г. В."—„Казанск. Губ. Ведомости", „С. Л."—„Справочный Листок г. Казани", „Р. В."—„Русск. Ведомости" (Москва), „В. К. С." - „Волжско Камское, Слово" (Казань), „В. В.'—„Волжский Вестник" (Казань), „Каз. тел."—„Казанский Телеграф" (Казань); кроме того сокращение „Б. П." означает, что статья помещена **без подписи.**

При нашей работе над составлением казателя, нам нередко встречались статьи, имеющие то или иное отношение к темам, затрагивавшимися Магницким. В этом случае мы их также вносили в указатель, помещая таковые или в подстрочном примечании или в описании работы Магницкого.

М. Корбут.

1. „**Женские чувашские школы в Ядринском у.**" „К. Г. В", № 9, 1861 г. С. У. (студ. Ун-та. М. К.)

Женская школа в с. Шуматове, открытая в 1860 г. „Ядринский окружной начальник, ревизуя волостные правления. вытребовал от них между прочим списки всех девочек;... он отметил тех девочек, которые по его мнению, могли и должны были поступить во вновь открываемые школы". „Сколько слез было пролито родителями". „Девочки. совершенно здоровые дома. по приходе в школу оказывались, вероятно, по наущению родителей, то глухими, то немыми, то дурочками, а те которые были здоровыми, не хотели ничего говорить и делать". (См. также—„К. Г. В"., № 39, 2/X—1861 г,

В. Простосердов: „8 сентября в г. Ядрине“ — об открытии женской бесплатной будничной школы [1]).

„**Сельские лечебницы в Ядринском у**“. „К. Г. В.“ № 46, 16—XI—1862 г. В. Магницкий.

Лечебницы в с. с. Шумагове и Абызове и д. Чебаевой возникли в августе 1860 г. „среди народа в жизни своей не лечившегося, в собственном смысле этого слова не тратившего денег на медикаменты, у которого даже нет слов для выражения понятий: лекарь, лекарство, лечебница. По их понятиям всякая болезнь—есть следствие оскорбления божества—керемети. Средства против болезни—жертва. Назначение количества и качества жертв—зависит от особого класса личностей—емзь... Емзи назначают... поставить свечь рублей на 70. на 100 такому чувашину, который не имеет 70 к. за душой. Случается и то, что чуваши уклоняются от исполнений приказаний емзи; так напр.. вместо того, чтобы поставить свеч на 70 р. ставят на 70 к.“.

В примечании упоминает об исследовании Сбоева об инородцах Каз. губернии (отзыв см. в „Русск. Вестн.“ за 1856 г., сент.) и говорит: „Мы сами, к сожалению, соч. г. Сбоева не читали и ознакомились с содержанием одного из случайно попавшейся нам под руки книжки „Р. В“., уже по написании статьи“.

„**Грамотность у чуваш в Ядринском уезде**“. „К. Г. В.“ № 43, 23—X и № 44, 30—X—1864 г. Магницкий.

„Внимательно следя за всеми статьями являвшимися в литературе по вопросу грамотности, мы не нашли в ней ни одной, посвященной быту инородцев“, говорит автор и описывает школы 40-х г. г. В них среди предметов обучения были: чтение. чистописание, краткая священния история. катихизис, арифметика со счетовод-

[1]) См. кстати „По вопросу о способах образования чуваш“, **Золотницкого**. „К Г. В.“, № 50. 16—XII 1866 г. и **его же** „Доклад Совету Братства с Гурия“ о Большеяльчиковской чувашской школе „К. Г. В.“, № 34, I—V—1368 г.; **А. Охотников**. „Записки чувашина о своем воспитании“. 1888 г. „Изв, об-ва арх. ист. и эти.“. т. XXXI. в. 1.

ством и церковное пение. „Чтобы выучиться писать свое имя, мальчик должен был пробыть в школе не менее двух лет", так как в обучении господствовал одиночный метод. Срок обучения трехгодичный. Школы были открыты в 1842 г. под названием сел. приходские училища в селах Чурашево. Шемердяново, Норусы, Абызово. Убеево, Рус. Сорма, Оточево, Богатыри и Бол. Шатьма.

„**Училищные сады в Ядринском уезде**". „К. Г. В.", № 21, 21—V—1865 г. В. Магницкий.

Училищные сады, долженствующие быть по инициативе Министерства Гос. имуществ, фактически не существуют, а под их именем известны участки земли. обведенные рвом с развалившейся изгородью.

„**Воздвиженская ярмарка в д. Козловке**". К. Г. В. № 22, 28—V—1865 г. Магницкий.

Эта ярмарка является сборным пунктом для Чебоксарского, Цивильского. Казанского и Царевококшайского у., хотя в торговом отношении не имеет почти никакого значения. На ней собираются русские, татары, чуваши и черемисы. На Козловской пристани открыта лет пять тому назад закупка яиц и отправка их с овсом на баржах в СПБ (до 6 мил. шт.).

„**Бунтовой Десяток и Камайкин Дол**". („Из народных преданий"). „К. Г. В.", № 50, 10/XII 1865 г. В. Магницкий.

Предания связанные с сенокосными урочищами между дер. Козловкой и Ново-Алексеевское и борьбе по поводу пользования этими урочищами между русскими и черемисами и чувашами. Останавливается на вопросе о том, где жили в старину чуваши и черемисы, разбирая исследование Нурминского. („Правосл. Собеседн.", 1864 г., январь, февраль).

„**Из путевых заметок по 2-му стану Чебокс. у**". „К. Г. В.", № 3, 21 I и № 46, 18—XI—1866 г.

Надпись в клети одного чувашина в д. Б. Аккозиной о пребывании здесь имп. Павла. Развалины каменного дворца Екатерины II в 3 вр. от с. Каричева.

„Заметка о Пу... вском бунте (из народных рассказов“). „К. Г. ...“, № 17, 29—IV—1866 г. В. Магницкий.

Предания, связанные с пребыванием Пугачева в Ядринском уезде и об участии чуваш в движении Пугачева (См. „К. Г. В.“, 1864 г. № 25).

„Старые оставленные кладбища во 2-м стане Чебокс. у. (Из путевых заметок“). „К. Г. В.“, № 46, 18—XI—1866 г. В. Магницкий.

Кладбища с сохраняющимися на них надгробными камнями и высеченными на последних надписями—письменными и печатными татарскими буквами и рисунками: Чишламинское, Ямсковское, Кульгешевское, Карабашевское, Идельмесское (близь с. Янцыбулова), известные в народе под именем кладбищ некрещеных чуваш. О справлении семика чувашами—годовых летних поминок на кладбищах.

10. **„Разбойничий городок и клады в нем близь д. Карабаш“.** „К. Г. В.“, № 46, 18—XI—1866 г.

Так называется часть берега Волги между выселком Чекурами и с. Кушниковым; чуваши называют его „карман ту“ (укрепленная гора). Народные рассказы, связанные с этим местом.

„Празднование чувашами нового года (Сорго ры)“, „С. Л.“, № 17, 1867 г.

„Хмелеводство во 2-м стане Чебоксарского у.“, „С. Л.“, № 79, 1867.

„С. М. Михайлов.“, „С. Л.“, № № 103 и 120, 1867 г.

„Чуваш-кнеге“, „С. Л.“, № 137, 1867 г.

15. **„Чардак“**, „С. Л.“, № 138, 1867 г.

„Из Казанской губ. Чебоксары“. „Р. В.“, 11 I 1868 г., № 9. Б. п. Дата: 29 XII.

О суевериях чуваш, сопровождающих земледелие: чуки и синзе. Занятия хмелеводством и о крупнейшем хмелеторговце-чувашине П. И. Максимове (д. Калыккасы), продающем хмель за границу тысячами пудов.

„**Из с. Беловолжского (Чебоксарск. у.)**". „К. Г. В.", № 5. Проезжий.

„**По инородческому делу**", „Каз. Г. В.", № 10, 3—II—1868 г. В. Магницкий.

Возражения на статью Золотницкого „По поводу статьи о чувашской кнеге" (Справочн. Листок по г. Каз., 1867 г. № 143). Автор оговаривается: „мы не специалисты по инородческому делу и интересуемся им, как уроженцы чув. селения, несколько времени обучавшиеся грамоте в русско-чувашском училище". Упоминает, что в 1804 г. был переведен на чув. язык и напечатан русск. буквами катихизис, в 1819 г.—проповедь о воспитании детей, свящ. Алоизова и проч. Приведя 19 слов из верхового и низового чув. наречий, говорит, что „не стоят ли верховое и низовое наречия в таких же отношениях, как вятское к великорусскому". Не согласен с мнением Золотницкого о том, что низовое наречие правильнее, как заключающее наименее заимствований татарских слов.

„**О составлении списков населенных местностей Каз. Губ.**" „К. Г. В.", № 21, 15.III, 1868 г. И.

Поднимает вопрос о необходимости составить списки населенных местностей, причем считает, что всего удобнее они могли бы быть составлены по приходам.

20. „**Очерк юридического быта чуваш Ядринского, Козмодемьянского и Чебоксарского уездов**". „К. Г. В.", № 85, 26 X; 86, 30/X; 87, 2 XI; 88, 6 XI, 89, 9/XI ;93, 23/XI—1868 г. В. Магницкий.

Характеристика верховых и низовых чуваш. Сватовство, степени родства, препятствующие браку, холым, возраст для вступления в брак, краденные свадьбы, свадебный штат, церковное оглашение, свадебный поезд, пиршество и обряды перед бракосочетанием и после него, семейные отношения. [1])

---

1) Кстати см. **Е. И. Якушкин**, „Заметка о влиянии религ. верований и предрассудков на нар. юрид. обычаи и понятия". „Этн. обозр.". 1891 г. № 2, М.—**Д. А. Кочнев**. Очерки юрид. быта Якутов. „Изв. об-ва Арх., Ист. и Этн.", т. XV, в. 5—6, К. 1899 г., Стр. 1—177. **Т. Е. Евсевьев**. Важн. моменты правового быта и обычного права марийск народа. „Марий Эл", 1928, № № 5—6, 7—8 и 9. Иошкар-Ола.

„Корреспонденция из Чебоксар“ (заголовок отсутствует). „Р. В.“, № 272, 16/XII—1869 г. Б. п.

Чувашские обряды, как-то: сурень, авдан сыры (поминки) [1]), сабан, калым-кон, чуки и проч. Говоря об открывающихся школах, замечает, что „устройство школ в деревнях, населенных инородцами, представляется самою существенною необходимостью, т. к. ни черемисы, ни чуваши в русск. школы своих детей не пускают. Да и вообще доступ в школы не легок в нашей местности: крестьяне уплачивая в своем обществе всевозможные сборы и участвуя в отбывании местных земских повинностей, детей в школы не иначе могут помещать, как с платой по рублю в месяц за каждого мальчика, что и при малом количестве семьи для многих равносильно отсутствию школ для их детей.“

„Дополнительные сведения о С. М. Михайлове“, „К. Г. В.“, № 99, 17-XII, 1869 г. В. Магницкий.

Рукописи, оставшиеся после смерти Михайлова (1864 г.), перешли к крестьянину д. Изамбаевой, Козмод. у. А. В. Знаменскому. За свои исследования Михайлов имел золотую медаль от Академии Наук. О чувашах он писал только то, чего нет в исследовании Сбоева. „Превосходное исследование Сбоева о чувашах... помимо неполноты, небезукоризненно относительно обобщений“. Михайлов был самым деятельным членом-корреспондентом Каз. Губ. Стат. Комитета. Поднимает вопрос об издании собрания сочинений Михайлова.

„Из Казанской губерн. Чебоксары“. „Р. В.“, № 39, 18/II—1870 г. Б. п. Дата: 7/II. [2])

Занятия жителей (черемис, чуваш и русск.) луговой стороны уезда: охота, лесосплав, углежжение, смолокурение и проч. Говорит, что черемисы отличаются от своих соплеменников чуваш „и наречием и костюмом,

---

[1]) См. „Алдан суры—поминки петухом, у чуваш Тоябинской вол., Тетюшск. у.“, С. Е. Мельников. „Каз. Губ. Вед.“, № 17, 30 апреля 1862 г.—**М. К.**

[2]) См. его же корресп. в „Р. В.“, 1869 г. № 141.

но так, что горные черемисы носят костюм одинаковый с верховыми чувашами, а луговые мужчины—с низовыми; черемиски же луговые, наоборот, носят костюм совершенно тождественный с верховыми чувашками в Ядринском и Козмод. уездах. В наречии, кажется, нужно искать раз'яснения того, что имя чуваш в актах не встречается до 16 стол., хотя они живут в пределах Каз. губ. с незапамятных времен, и селения их начинались тотчас же, где кончалась Нижегородская область, отделяющаяся от инородческих селений р. Сурой—центром чуваш. земли; по всей вероятности, летописцы смешивали чуваш и черемис, не зная самой существенной разницы между ними, разницы наречия".

„Корреспонденция из Чебоксар" (заголовок отсутствует). „Р. В.", № 80, 17/IV—1870 г. Б. п.

Образ жизни Чебоксарских татар (дер. Альменевой и Карамышевой-Янгильдиной); упоминает что в местах, где теперь сплошь живут чуваши, когда-то (в нагорной стороне) жили татары, о чем можно судить по надгробным камням на покинутых кладбищах, но куда и когда татары выселились отсюда—сведений нет никаких. Говоря о том, что татары Чеб. у. преимущественно занимаются торговлей, замечает, что татары способны и к ремеслам, но физический труд им не нравится: несмотря на почти тысячное население д. Карамышевой, в ней нет ни одного портного, ни одного чеботаря, бондаря и т. п.

25. „Из Казанской губернии Чебоксарского у.". „Р. В., № 91, I/V—1870 г. Б. п. Дата 21/IV.

Пища, одежда, базары у чуваш и черемис. Гуляния—хир поххы и ухруды, хай сирмы; чувашские ремесла и промыслы—плетенье лаптей (сибада), тканье кулей и проч.

„Корреспонденция из Чебоксар" (заголовок отсутствует). „Р. В.", № 119, 6/VI—1870 г. Б. п.

Повествует о незавидной жизни б. помещичьих крестьян, „отпущенных на волю большею частью с одной, никуда негодной, дарственной десятиной" и об еще

худшем существовании вольных русских людей на луговой стороне Волги. Делает интересное замечание: „русский от бедности облекается в чувашскую рубашку, а чувашин, как разбогатеет, спешит прежде всего превратиться по костюму в русского“.

„**С. Шуматово и его приход**“, „К. Г. В., № 63, 15/VIII и № 68, 2/IX—1870 г. В. Магницкий.

Геологическое строение почвы. Реки. Селения. Церковь и ее история. Пугачевское движение. Училище. Кереметн. Костюмы. Промыслы.

„**Чувашская легенда о происхождении Сорминской кереметн**“, К. Г. В., № 87, 1870 г. В. Магницкий. Легенда в д. Масловой Чеб. у. о Сорминской кереметн, известной Ядринскому, Козмодемьянскому, Курмышскому и Чебоксарскому уездам.

„**Судебное заседание по делу об убийстве крест. Ядринск у. А Андреевой**“. „К. Г. В.“ №№ 28 и 29, 14 и 17/IV—1871 г. Б. п.

Интересное бытовое дело из чувашской жизни. Прокурором выступал А. Ф. Кони.

30. „**Материалы для Этнография костюма пригородных Чебоксарских крестьян в прошлом столетии**“, К. Г. В.“ № 45, 13/VI—1873 г. В. Магницкий.

Воспроизводится заявление о покраже домашних вещей с перечислением их стоимости и внешнего вида от апреля 1798 г.

„**Беловолжская ярмарка. Этнографические материалы**“. Каз. 1873 г., 5 стр.. Оттиск из № 60 „К. Г. В.“ 1873 г. 4/VIII.

Село Беловолжское в б. Чебоксарском уезде, Казанской губ., находится в 2 верстах от Волги (прист. Козловка) и получило название от речки, впадающей в Волгу—Белой Воложки, к которой приурочивается следующ. историческое сказание: „соглашаются на сие мнози древние и новые летописцы, яко тамо, между великие и белые Воложки, живяше народ Болгарский“. На ярмарку 8 (20) июля с‘ежается до 5 тыс. челов.

русских, татар, черемис и чуваш, хотя село русское. Перечисляет чув. ярмарки Цивильского, Свияжского и Ядринск. уездов Каз. Губ.

„**Нам пишут из Чебоксарск. у.**" („Судебн. Вестник", № 261, 1873 г.)

О последствиях снятия с криушинских лугов обмелевшего парохода „Мария".

„**Археологические достопримечательности во 2-м стане Чебоксарского у.**", „К. Г. В", № 12, 9/II 1874 г. В-ий.

Бишевский приход и соседние села Карачева и Карамышева, как замечательные в археологич. отношении: курганы, кладбища с татарскими надписями на камнях, предание о крепости и проч. Останавливается на важности исследования народных названий селений.

„**Чувашские бабушки-повитухи**". „К. Г. В.", № 28, 1874 г. Дата: 7/II—1874 г., с. Беловолжское. В-ий.

Обряды и суеверия, связанные с родами. Имя чуваш в русских летописях упоминается впервые только в 1524 г., по случаю постройки г. Васильсурска. (Риттих. Материалы для этногр. Рос., Каз. губ., ч. 2).

35. „**Очерки и заметки. Чистопольский уезд Казанск. губернии.**" „К. Г. В., № 45, 12/VI—1874 г. В. М.

Возникновение с. Чебоксарки (Изгарской вол.), Черемуховой слободы и с. Новотроицкое (Новиковка).

„**С. Беловолжское, Чебоксарск. у.**" „К. Г. В.", № 52, 6/VII—1874 г. В-ий. Дата 27/V.

Обычаи, связанные с „троицей", смертность и состояние медицины и проч.

Село Беловолжское. „К. Г. В.", № 68, 31/VIII—1874 г. В-ий.

Ярмарка 8 июля и ее быт. Об озерах Цивильского, Ядринского и Чебоксарского у. и повериях, с ними связанных.

„**Будущее село Исменцы**". „К. Г. В.", № 73, 18/IX—1874 г. Дата: 8/VII, 1874 г. с. Беловолжское. В-й.

В связи с постройкой церкви в д. Исменцах, Помарской вол., Чеб. у. пишет о религиозном быте чуваш и

черемис, утверждая, что последние более усвоили некоторые христианские обряды, нежели чуваши. [1]).

„**Курганы в Ядринском уезде**". „К. Г. В.", № 84, 26/X, 1874 г. В. Магнитский.

Два кургана между с. Балдаевой Сугути и Шемеряновым. (См. также: 1) Отчет доц. Головкинского о геологической экскурсии в Ядринском у. „К. Г. В." № 1, 1868 г. 2) „Рассказ из поверья чуваш с. Абызова о необыкновенном воровстве земли". „Изв. по Каз. епархии". № 1—1874 г. Д. Хрусталев).

40. „О жертвенных приношениях чуваш". Каз., 1875 г. Оттиск из „К. Г. В.", 1875 г., № 100.

Изложение доклада В. К. Магницкого на эту тему в отделе антропологии и этнографии Об-ва естествоиспытателей Каз. ун-та 19 окт., содержавшего описание и об'яснение жертвенных приношений, представленных им в этнографический музей ун-та, найденных в д. Масловой. Чебоксарск. у: большие лоскутки холста, нитки, кусочки олова, нохратки (жест. кружечки), медные копейки и черепки посуды.

„**Село Беловолжское**". „К. Г. В.", № 97 и след., 13/XII--1875 г. Дата I/XI.

Деревенские свадьбы, состояние школы и проч.

„**Из села Беловолжского**". „Церковн. обществ. Вестник", № № 80, 81 и 141, 1875 г. П. П. (Председатель попечительства).

„**Лечебные травы чуваш дер. Масловой.**", „Протоколы Каз. Об-ва Естествоиспытателей", 1875 г.

„**Предания чуваш Бичуринского прихода, Чебокс. у. и способы лечения у них болезней**". Оттиск из „Известий по Казанской епархии", № 21, стр. 6—1876 г.

Автор статьи чувашин М. Ф. (учитель М. Федоров). В. К. Магницкому же принадлежат в ней многочисленные примечания. [2]).

---

[1]) См. „Духовенство из инородцев в Каз. епархии", „К. Г. В"., № 90, 1874 г. 16/XI.

[2]) См. также „Капи сювы" (Чув. легенда)—„В. В.", 1894 г. 6 дек. № 308. Н. А.

45. **„Песни крестьян с. Беловолжского, Чеб. у. Каз. губ.“** К., 1877 С. 160+VII. В. Магницкий. Дата: 31/X—1874 г. с. Беловолжское. [1]). Оттиск из „Изв. и уч. записок Каз. Ун-та“, № № 1 и 2—1877 г.

Около 200 детских, обыденных, исторических, хороводных, троицких, плясовых, игровых, свадебных, нищих песен, а также причитания дружек и свадебные обряды.

„Отчет о положении нач. нар. училищ в Уржумском уезде за 1877—78 уч. год“.—Журналы Уржумского уездн. зем. собрания XII-й очер. сессии (1878 г.) Т. II. Вятка, 1879 г. С. 153—174. Дата 5/VII, 1878 г.

В отчете пишет: „...Что особенно радует меня за сел. учителей, так это: ни самому мне лично не довелось подметить, ни от других слышать об употреблении ими угобезнаказанно практиковавшихся в старых школах, уголовно преступных варварских педагогических мер, в роде—теребачек за волосы, уши, пощечин руками и линейками и самой возмутительной—сечения розгами; вместо неизбежных, от таких мер, дикости и тупости учащихся, я во всех сел. училищах встречал самое симпатичное и не принужденное отношение учащихся к учащим и наоборот“.

„К отчету о нач. нар, образовании в Уржумскому. за 1878—9 уч. год“.—„Записка инспектора училищ В. Магницкого“. —„Доклады урж. уезд. зем. управы Вятск. губ. за 1878 г“. Вятка, 1879 г. Стр. 165—193.

Высказывает следующие мысли: „Не только родителей учащихся в новых школах, но и самозванных педагогов, незнакомых с руководствами... крайне смущает то, что ученикам новых школ не дают с первого же раза азбук и что они, вместо изучения аз, буки, веди— только мыкают, шикают, да по воробьиному чиликают— это изволите видеть, пародируются названия звуков: м-м, ш-ш, ч-ч, как они на самом деле и слышатся в устной речи“...

---

[1]) См. **Н. Ашмарин**. Декаденты Запада и поэзия вол. инородцев. „В. В.“. 1895 г., № 22; **Никитин**. Песни чуваш. Ядрин. и соседн. уездов. „Изв. об-ва арх., ист. и этн.“, т. XXIX, в. 3.

„Учиться писать по традиции ученики старых школ начинают не прежде, как выучат от корки до корки азбуку... Осенью во время обзора мной училищ... начавшие учиться второй год и приступившие к выписыванию азов, сидели с раскрытыми на половинки на разных страницах азбуками. На предложение мое прочитать что нибудь на обернутой вперед странице все они отвечали, что они этого еще не учили; в Витлинском один ученик заглавие „десять заповедей“ прочел; добро, есть, слово, твердо, ерь. На вопрос мой: что же из этого составилось?—ответом было глубокое молчание. За то выученное ученики этих училищ читают до того быстро, что даже захлебываются, и это потому, что они читают выученное не путем слития звуков, а на память одно содержание. Предложить рассказать содержание прочитанного ученикам этих школ и не пытайтесь; при этом прежде всего обратит на вас недоумевающий взгляд сам учитель и не слыхавший, что чтению обучают не единственно для развития механизма чтения... Учителя частных и церк. прих. училищ, по приходе утром в класс, одному по азбуке указкой покажет: аз, буки, веди, другому: буки, аз, ба, третьему: аз, ангел, архангельский и присовокупив: учите—тотчас же уходят... Что происходит по уходе их в училище—догадаться не трудно... Ввертывается сам учитель и, заметив, что ученик, вместо того, чтобы тыкать указкой в книгу и во всю мочь выкрикивать на распев: буки-аз-ба, загляделся на приготовляемый кухаркой вкусный пирог... берет незаметно для ученика со стены ременницу и старается ударить ей или щелчком в голову в тот момент, как несчастное дитя мечтало о пироге; после удара ученик со слезами заявляет: я выучил.—Учи тверже... щелчок, пощечина—вот вам и наука. И это, по старому, самое, добросовестное обучение. Учителя же чиновники, практикующие около города, задав урок, для отдыха после такого тяжкого труда, отправляются в кабак... и не возвращаются в деревню до тех пор, пока родители учащихся, жалея уплаченных за учение денег, не разыщут их в городском кабаке и, повалив в сани, силом

не привезут в училище... Не скрою, что эту картину я изобразил не на основании личных наблюдений, а по рассказам очевидцев. Чтобы избавить инспекцию лицезрения кухарки с помелом в Толманском ц. пр. уч-ще, учащиеся во время обзора каждый раз переводятся из кухни в гостиную и рассаживаются на покрытом ковром диване за ломберным столом. Так поступает учитель—священник". „Во время обзора Б. Ройского училища младшей группе, при испытании, довелось прочитать фразу: ржа железо ест. На спрашивание, о чем в фразе говорится, не только ученики—черемисы, но и русские видимо значение фразы не понимали., но лишь учителем, по моему предложению, был отыскан ржавый гвоздь... лица их буквально просияли, немедленно развязался язык и посыпались ответы:... им не приходило в голову, что ржа железо ест".

„Открывшееся при Лазаревском училище ремесленное отделение при самых благоприятных условиях через год закрылось, по недостатку заказов. Сказать откровенно, недостатком... я считаю то, что они стремятся в ремесленных отд. приготовить мастеров для удовлетворения потребностей—выражусь—барства, а не крестьянства; ими опущена по виду цель ознакомления учащихся с неупотребительными в крестьянском быту инструментариями и усовершенствованиями и техническими приемами улучшить производство предметов крестьянского хозяйства"...

„**Записка Инспектора Училищ В. К. Магницкого от 27 августа 1880 г.**" и „**Дополнение к записке 27 августа**". (Доклады и другие приложения к журналам заседания Уржумского Уездного Земского Собрания XIV очередной сессии 1880 г. (стр. 1—20).

Сословный состав учащих в школах Уржумск. у. Выражает пожелание иметь учителей из крестьян, знающих черемисский язык, о производстве в школах Уржумск. уезда всероссийской однодневной переписи 20 марта 1880 г.

Помещики выступили с критикой записок Инспектора Магницкого. В записках Инспектора „очень немного

действительно заслуживающего внимания“, „его оригинальные и подчас очень наивные мотивы, которыми обставляются те или другие выводы и предложения, более забавны, чем убедительны“.

„**Описания кургана и черемисского предания о нем**“. Выноска под статьей П. Мышкина—„Материалы для истории колонизации Кузнецовского прихода в Уржумском уезде“, „Вятск. Губ. Вед.“ 1880 г. № 41.

50. „**На память о Н. И. Золотницком (из Вят. губ.)**“ „К. Г. В.“, № 55, 19/VII—1880 г. Дата: 2/VII—1880 Уржум. Вят. г. В. Магницкий.

Считая себя учеником Н. И. Золотницкого (познакомился с ним в 1874 г.), сообщает об нем некоторые биографические данные, связанные с пребыванием Н. И. в Вятке (в Вят. Палате Гос. Имуществ столоначальником, редактором неоф. части Вят. Губ. Вед., руководителем воскресной школы и проч.), а также опровергает сведения, что Н. И. окончил Дух. Акад., тогда как на самом деле Н. И., вышедши из дух. акад., окончил Каз. Университет, филологич. факультет.. „Эс вильзэнь дэвильмэнь“ (ты и по смерти не умер), пишет автор, говоря, что „вспомяну тебя фразой, на излюбленном тобой говоре, тобой первым научно исследованном“.

„**Материалы к об‘яснению старой чувашской веры**“, К., 1881 г. с. 268—V В. Магницкий. Даты: 25/IV. 1877 г. с. Беловолжское и 4/III—1881 г. Казань.

Материалы разбиты на след. отделы: соответственно тому, с чем связаны проявления религиозных верований—земледельческие и др. хоз. предприятия, болезнь и смерть людей и дом. скота, родины, женитьба.[1]) Об‘ясняются значения „киреметь“ и „йомзя“. Приводятся сравнительные описания верований и обрядов у татар,

[1]) См. **Н. В. Никольский**. „Краткий конспект по этнографии чув.“ „Изв. об-ва арх., ист. и этн.“, т. XXVI; „Суеверия чуваш“—там же, т. XXVI, в. 4; „Чувашская легенда (о происхождении хлеба)“ там же, т. XXVIв. 5; **М. Хомянов**. „К вопросу о жертвоприношениях чуваш Козмод. у.“—там же, т. XXVIII, в. 4—5. **М. Корбут**. „Старое в новом“, „Крас. Татария», 1928 г., К. М. 169; **М. Корбут**. „Шупашкар“, „Крас. Татария“, 1928 г., № 177.

черемис и частью русских. В приложении: Очерк религиозных верований чуваш, В. Я. Смелова и 63 чув. слова, не вошедшие в „Словарь" Золотницкого или об'ясненные в нем иначе, автора.

„**Замечания на „этнографический очерк быта чуваш" И. Меньшова**". „Записки Оренбургского Отд. Русск. Географ. Об-ва", 1881 г., в. 3, с. 246—8 в 4, с. 179—95.

„**Из быта чуваш**", „В. К. С.", № 12, 12/XII. 1881 г. **В-ий** (Сокращено цензурой).

„**Сохранение трупов в селах и деревнях**", „В. К. С.", № 114, 28/V—1882 г. **В-ий.**

55, „**Чувашский край**", „В. К. С.", 1882 г., 25, 27, 28,30,31/VII и 4/XI, №№ 160, 161, 162, 164, 165 и 206. **В. Магницкий.**

„**Из Свияжского у.**", „В. К. С,", № 29, 9/II 1882 г. **В-ий.**

„**Закупка яиц на Козловской пристани**", „В. К. С." № 71, 6/IV—1882 г.. **В-ий.**

„С. **Шуматово**. „В. К. С.", № 84, 21/IV—1882 г. **В ий.**

„**Киреметн и праздники у чуваш**", „В. К. С.", № 92, 121, 123 и 126, 30/IV, 5/VI, 8/VI и 11/VI, 1882 г. **В-ий.**

60. „**Из Козмодемьянского у** .", „В. К. С." №№ 119. 137, 148, 149, 157 и 160.—1882 г.

„**Из Ядринского у.**", „В. К. С.". № 142, 1882 г.

„**Чувашский край**", „В. К. С.", №№ 161, 162, 164, 165 и 206. 1882 г.

„**Факт из быта татар г. Казани**", „В. К. С.", № 211, 1882 г.

„**С. Шуматово**", „В. К. С.", № 211, 16/XI—1882 г.

65. „**Поверья и обряды (запуки) в Уржумском у. Вятск. г.**" Вятка, 1883, с. 58. Дата: 1883 г. Казань. В. Магницкий.

Уезд населяют русские, татары, черемисы и вотяки.

Поверья и обряды (всего 463 №) разбиты по отделам: домохозяйство, приметы, праздники, свадьбы, родины, болезни и их лечение, похороны и поминки, пашня,

сёв, урожаи, жнитво и молотьба, льноводство, огородничество, скотоводство, птицеводство, пчеловодство, рыболовство, космография, нечистая сила, колдуны и колдуньи, заговоры, ворожба и гаданья, завороженные предметы.

„**Из поездки в Ядринский у.**“, „В. В.“, №№ 32 и 33, 1883 г. О быте присурских чуваш. **В-ий.**

„**Рассказы об Акрамовском картофельном бунте**“, „В. В.“, № 34—1883 г. В. Магницкий.

„**С. Шуматово**“, „В. В.“, №№ 36 и 50—1883 г.

„**К переселенческому вопросу**“,„ В. В.“, № 9, 1884 г.

70. „**Из с. Шуматова**“, „В. В.“, № 25, 1884 г.

„**Особенности русского говора в Уржумском у. Вятской губ.** „Известия Об-ва арх., ист. и этн.“, т. V, Каз. 1884 г. Стр. 1—73. Дата 4/II—1882 г. Казань.

В противоположность мнению проф. М. А. Колосова („Заметки о языке и народной поэзии в области сев. великорусск. наречия“, 1877 г.) считает, что выделять Уржумский у. относительно говора из группы уездов, составляющих Вятский край, и отожествлять уржумский говор с говором казанским нет оснований, тем более, что значительная часть русских селений в Уржумском у. основана выселенцами из Нолинского и Орловского у. Дает библиографию работ, посвященных изучению особенностей вятского говора и помещенных в местной прессе. На 66 страницах приводится алфавит слов местного говора—около 2300 слов.

„**Священник В. П. Громов**“, К. 1884 г. С. 11 В. Магницкий. Оттиск из „К. Г. В.“, № 77, 5/VII—1884 г.

Два письма Громова к Н. Золотницкому от 1868 г., из которых выясняется, что Громов составил в начале 40-х г. г. чувашск. русск. лексикон и рус.-чув. словарь, не представленные Золотницким к печати, в виду отсутствия в них научных достоинств. Некоторые сведения о Громове (свящ. из Козмодемьянска) и об истории составления словаря Золотницкого (1875 г.).

„**Дополнения к „Корневому чув.-русскому словарю“, Каз.** „К. Г. В.“, № 126, 27/X, 1884 г. В. Магницкий. Дата: 1/III—1882 г.

Около 200 слов из поправок и дополнений, сделанных Н. И. Золотницким к своему словарю по его напечатании и найденные автором после смерти Золотницкого.

„**Из поездки в с. Шуматово, Ядринск. у. Казанск. г.**“ (Курганы. Киремети. Жертвенные приношения „кирeметям“ и „покойникам“. Покинутые кладбища. Очувашившиеся черемисы. Поверья. Наряд чувашек. Детские куклы. Чувашск. слова, не вошедшие в словарь Н. И. Золотницкого), „Изв. об-ва арх., ист. и этн.“, т. III, Казань, 1883 г. С. 160—179, а также „Изв. и уч. записки Каз. Унив.“, 1882 г., № 1 и 2, с. 212—31.

Курганы, находящиеся в Шуматовском приходе. Урочищи, известные под именем „Киремети“—далеко не все местожительство самой Киремети. Большая часть таких урочищ—просто „святое место“, на каковых чуваши молятся и оставляют свои жертвенные приношения киремети в тех только случаях, когда им нет времени ехать в местопребывание самой Киремети. Говорит, что одинаковую роль с Киреметями в быту чуваш играют „покойники“, причем думает, что давно умершие-то покойники, игравшие при жизни среди чуваш какую либо выдающуюся роль, и есть киреметь. О существовании древних Болгар чуваши знают и называют их по своему в Ядринском и Чистопольском у.—**Пошкырт.**

75 „**Из Лаишевского у.**“ „В. В.“, № 1, 1885 г.

„**С. Тюрлема**“, „В. В.“, № 19, 1885 г.

„**Спасский у.**“, „В. В.“, № 35, 1885 г.

„**Народное образование в Спасск. у.**“, „В. В.“, № 54, 1885 г.

„**Луковая сторона**“, „В. В.“, № 73, 1885 г.

80. „**Урай-монастырь**“, „В. В.“, № 109. 1885 г.

„**Пожар в г. Лаишеве**“, „В. В.“, № 134 1885 г.

„**И. А. Сокольский**“, „В. В.“ № 163, 1885 г. Некролог.

„**Нечто о татарах**“, „В. В.“, № 55, 13/V—1884 г. М.

„**Казанские инородцы и отношение к ним русских притеснителей**“, „В. В.“, № 180, 7/VIII—1885 г. **Чувашефил.**

85. „Лаишев“, „В. В.“, № 221 —1885 г.

„С. Шуматово“, „В. В,“ № 249—1885 г.

„С. Шуматово“. „В. К. С.“, № 113, 1886 г.

„Село Шуматово“, „В. В.“, № 193, 7/IX. 1886 г. О церковном землепользовании и значении отвода к церквам пахотных земель (не только улучшение материального быта духовенства, но и влияние на хлебопашество неграмотных прихожан). На самом же деле церковная земля, никем не удобряемая, обещает в недалеком будущем (в Шумат.) истощиться до полной негодности.

„Правила, как считать, описывать и охранять училищное имущество. Краткое руководство для учителей и учительниц городских и сельск. нач. учил.“. Казань, 1887 г. 31 стр.

90. „Село Шуматово“. „В. В.“, № 222, 1887 г.

„Г. Г. Носков“, „В. В.“, № 169, 6/VII—1888 г. **В. М.** Некролог.

„С. Шуматово.“ „В. В.“ № 188, 28/VII—1888 г. Б. п.

„О чувашах. Этнограф. очерк неизв. автора XVIII ст.“, К. 1888 г., с. 35. Предисловие и примечания В. Магницкого. Дата: 6/V —1887 г., К.

Перепечатывает очерк, впервые появившийся в IX, X и XI №№ журн. „Сев. Архив“, 1827 г., полагая, что автором его является житель Буинского у., Симб. г.

„Нравы и обычаи в Чебоксарском уезде“. Этнограф. сборник, К. 1888 г., с. 118. Дата: 16/V—1886 г. Каз.

Записи произведены, гл. образом, в восточной половине уезда в 60—70 г. г. и обнимают: 1) поверья и обряды; 2) детские прибаутки, прозвища, игры, потехи и загадки; 3) памятники народной математики; 4) „песельники“; 5) побаски, пословицы и поговорки; 6) бранные и унизительные названия; 7) поречье: говор—сборник местных слов.

95. „Копии со столбцов XVII в.“ „Действ. Ниж. Арх. Ком“, в. 6, с. 225—41. Доставлены В. Магницким и доложены 22/X—1889 г.

Бумаги рода Бутурлиных, как-то —челобитная, поданная царю Мих. Фед. Матв. Олениным, И. и А. Бутур-

линными об утверждении полюбовной записи относительно размежевания (1632 г.), дело о розыске арзамасским воеводою Ф. Бутурлиным крепостных людей, бежавших из поместья И. Порошина (1645—6 г. г.) и др., бумаги рода Милениных, бумаги рода Алферьевых и бумаги Чегодаевых, Федорчуковых, Дворянинoвых.

„**С. Шуматово**“. „В. В.“, № 185. 30/VII—1889 г.

„**С. Шуматово.**“, „В. В.“, № 215, 21/X—1889 г. Б. п.

„**Заметки о нач. нар. училищах Свияжск. у.** (Каз. губ.), осмотренных инспектором училищ В. Магницким в 1888—89 уч. г.“ Из „Народн. образов. в Свияжск. у. за 1888—89 уч. г.“, К., 1890 г. С. 115—170.

Формальный отчет. [1])

„**С. Шуматово.**“, „В. В.“, № 120, 18/V—1890 г. Б. п.

100. „**С. Шуматово**“, „В. В.“, № 188, 2/VIII 1890 г. Б. п.

„**Материалы для истории Елабужского уезда**“. „Вятск. Губ. Вед“. № 43, 45 и 47—1891 г. В. Магницкий.

„**Об ирихах у чуваш**“, К., 1891 г. с. 15, В. Магницкий.

Сводка всей литературы об ирихах. Сведения и наблюдения по этому вопросу. (В письме к И. Н. Юркину из Елабуги от 4-го июля 1891 г. он писал: „Составляя статью об ирихах, я старался привести в ней по возможности все, кто что писал об ирихах, чтобы последующие исследователи не имели надобности разыскивать сообщения предшественников“).

„**Письмо протоиерея А. И. Невоструева о своих ученых занятиях**“ Материал для биографии. Вятка. 1891 г. В. М. Дата: Елабуга, 22/IX—1891 года..

Священник Каз. Собора в Москве А. И. Невоструев, уроженец Вятки, брат археолога К. И. Невоструева, составлял Библейско-церковный Греко-Славянский словарь. Умер 1/IV—1872 г.

„**К статье Е. И. Якушкина о влиянии верований на юридические обычаи**“. „Этн. Обозр.“, кн. XI, 1891 г., М., с. 199. Заметка о с. Косяково, Свияж. у., К. г.

---

[1]) См. «Об образовании местных инородцев» (выписка из журнала Каз. Губ. Уч. Совета 19 июня 1870 г. и извлечение из журнала совета Министерства Народн. Просв. 2/II—1870 г.) «Каз. Губ. Вед.», № 61, 8 авг. 1870 г.

105. „Этнографическо-статистические данные о браках чуваш Казанск. губ.", „Изв. об-ва арх., ист. и эти.", 1891 г., т. X, в. 2, стр. 14. В. Магницкий.

Исследование книг брачных обысков за 1803—6, 1841, 1817—57 и 1884—6, хранившихся в Шуматовской церкви, Ядр. у.: 1) число браков, 2) возраст брачившихся, 3) родство у чуваш, 4) свойство, 5) время заключения браков.

Пишет И. Н. Юркину (Елабуга, 4/III, 1892 г.) „В № 53 „В. В." Вы, конечно, уже читали... отчет о заседании Каз. Об-ва арх., ист. и этн., в котором было прочитано мое сообщение о браках. чуваш. Хотя хроникер кое что и прихвастнул, но все-таки приведенные им возражения против моего сообщения заслуживают внимания. Ранних браков у чуваш—до 18-ти лет—я в своем сообщении не отрицал и лишь указал, что такие браки по цифровым данным следует считать как исключение, а не общими, как это выходит по сообщению Сбоева. Насколько распространены были среди чуваш ранние браки до издания закона о брачном совершеннолетии, это еще вопрос, подлежащий исследованию, которого я в своем сообщении вовсе не касался. Я ожидал больше возражений по поводу краткости сообщения о том, что у чуваш считалось грехом брать невест из деревни матери жениха. В силу чего такое явление считалось у чуваш недозволительным—я в свое время пытался спрашивать русских знатоков быта чуваш; но путного от них ровно ничего не узнал. Не помогут ли Вам мои указания расширить Ваше исследование о чувашских свадьбах?".

„Елабужский уезд." „В. В.", № 19, 21/I—1891 г. Б. п.

До 19 II—1861 г. в уезде было 9 татарских деревень, находившихся в крепостной зависимости помещика Тевкелева. Перечисляет башкирские и черемисские деревни и упоминает про местопребывание тептярей, быт башкир и черемис.

„Елабужский уезд." „В. В.", № 38, 10/II—1891 г. Б. п.

Нищенство русских и татар и отсутствие такового у черемис и вотяков. Изготовление веялок, валеных сапог и корзин для тарантасов.

„**Елабужский уезд**.“ „В. В.“, № 58, 7/III—1891 г. Б. п. В 1582 г. волость Терси со всеми угодьями и сенными покосами по реке Искашуре и землею, „что взяли на ясак чуваши“, передана во владение Багишу князь Яушеву. Чуваши жили здесь в д. Назяр и Аккузина, на реке Иш. В 1666 г. Яушевы жаловались на чуваш этих деревень за насильное завладение бортными угодьями и проч. причем представили грамоту 1582 г.; чуваши же сказали, что они владеют бортным угодьем по писцовым Семена Волынского книгам. Теперь чуваш в Елабужск. у. нет. В нач. XVII ст. чуваши жили в Вятской губ. еще на земле Каринских татар (А. А. Спицын. „Земля и люди на Вятке в XVII ст“, календари Вят. г. на 1885—86 г.г.)—Промысел русских „крашенье холстов“.

„**Елабужский уезд**“ „В.В.“, № 70, 21/III, 1891 г. Местопребывание кряшин (селения их идут с Зап. на Вост., начиная от реки Вятки), их быт (весьма отличающийся от татар) и время обращения в христианство (первые годы по завоевании Казанского царства). Земские и миссионерские школы среди кряшин. Сетования кряшин на распоряжения о замене татарск. учебников русскими, согласно постановления Вят. Комитета Миссионерского об-ва.

110. „**Елабужский уезд**.“ „В.В.“, № 93, 18/IV—1891 г. Б.п.

Весенние злобы дня, домашняя работа детей и оставление ими школьных занятий.

„**Елабужский уезд**.“ „В.В.“, № 121, 26/V—1891 г. Учебные занятия. О видах на урожай. Сообщает, что институт агрономов по убеждению крестьян—напрасная трата денег.

„**Елабужский уезд**.“ „В.В.“, № 129, 6/VI—1891 г. Б.п. Весенние национальные игры молодежи. Черемисский праздник „Саван Туй“, игры вотяцкой молодежи. Рассказы о жертвоприношениях вотяков и отсутствие

доказательств существования жертвоприношения людей. Считает, что не может быть и речи о действительном жертвоприношении: это какой-либо символический обряд подобный, напр., „краже земли“ чувашами в неурожайные годы, для чего выбирается „жених“, обрекаемый вперед, в случае поимки на месте кражи, на смерть, иначе в жертву для общего блага. Быт магометанских и кряшинских девушек.

„Г. Елабуга“. „В. В“, № 151, 3/VII—1891 г. Б.п.

О раскопках ананьинского могильника около д. Ананьина, в 4 в. от Елабуги.

„Из поездки в Чувашский край (Беглые заметки)“. „В.В.“. № 182, 10/III—1891 г. Статья Б.п.

Голод в Чебоксарском, Козмодемьянском и Ядринском у. Статья испещрена цензурными пропусками и изменениями слов. Напр. „голодали“—заменяется „нуждались“, „голод“—„недород“, „были в положении близком к смерти от голода“—„были в положении печальном“ и проч. Совершенно вычеркнуто сообщение о том, что в д. Сехры, Шуматовского прихода во время специального жертвоприношения для испрошения дождя, чуваши не только закололи белых лошадь, быка и барана, но и купили пророку Илии новое решето, которого считают виновником дождей. „Бывшее во всю весну бездожие в нынешнем году они об'ясняли тем, что пророк Илия уже очень состарился; лошадь, на которой он ездит, также состарилась, а телега, на которой он развозит воду, и решето, через которое льет воду, расхудились. Нужно заметить, что чуваши с ликами святых на иконах соединяют те же понятия, каких они держатся относительно покойников“. Говорит, что у чуваш нищенства нет. Они пекутся гл. образом об ограждении себя от алчности своих умерших родственников, но не живых, к которым они **бессердечны**. Поминки чуваш. Выселения на новые земли.

В письме к И. Н. Юркину из Елабуги (28 авг. 1891 г.) он пишет: „я наперед задавался, что Вы обидитесь за чуваш на меня за то, что я назвал чуваш „бессердеч-

ными" к живым и что в опровержение напишете статью, в которой подробно опишете все способы, какими чуваши, в случае нужды, помогают друг другу, а именно: 1-е—заем в разных его видах и способы уплаты; 2-е помочь (нюме), 3-е—холка и т. д. Во всяком случае я почему то ожидал, что Вы в газетах от себя сообщите, как чуваши бедствовали особенно весной и почему они будут еще более бедствовать приближающейся зимой".

115. „**Из поездки в чувашский край**" (Окончание). „В.В." № 187, 17/VIII, 1891 г. Статья. Магницкий В.

Кроме описания неурожая, приводит рассказ об Акрамовском картофельном бунте чуваш (1843), главные виновники какового были присуждены военным судом к наказанию шпицрутенами сквоз строй. Наказание было произведено в с. Акрамово под барабанный бой, для чего в с. был вытребован из Казани батальон солдат.

„**Елабужский уезд**". „В.В.", № 240, 22/X—1891 г. Б.п.

Жители д. Тябярли, узнав о происходящем осмотре инспекцией Нар. Уч. магомет. мектебэ и медресе, решили на сходе: бывшее у них здание для мектебэ сломать и превратить в мирскую караулку. Это и было приведено в исполнение.

„**Елабужский уезд**." „В.В.", № 262. 17/XI—1891 г. Б.п.

Приводит рассказ о жертвоприношении вотяками живых людей, за достоверность которого не ручается.

„**Чуваши** (Вниманию г. Михневича)." „В. В.", № 265, 21/XI—1891 г. Статья. В. Магницкий. Дата: 16/XI, Елабуга.

Перечисляет чуваш, выступивших на литературном поприще: 1) Н. М. Охотников [1], кончающий университет („Грамота среди чуваш", журн. „Церк. прих. школа",

---

[1] См. некролог об Охотникове (1859—92), написанный Васильевым („В.В.", 1892 г. № 30, 31 янв.). Это тот Охотников, которого на аттестат зрелости готовил в Симбирске В. И. Ульянов (см. Алексеев и Швер. Семья Ульяновых в Симбирске. М. 1925 г.).

1890 г., шоль; Киев); 2) Н. Н. Юркин, автор „Сборника чув. песен" („А русские „знатоки" языка и быта чуваш до сих пор... уверяют, что чуваши не имеют песен", говорит Магницкий в скобках); 3) Н. А. Александров, учит. чув. шк. при Казан. Учит. Сем., автор рук. сборника чув. песен, переложенных на ноты; 4) М. Ф. Федоров, учитель Чебокс. уч., член сотр. Об-ва арх., ист. и этн; 5) Зайцев, И. Я., учитель Тетюшск. уезда. 6) Е. В. Васильев, сел. учитель—оба сотр. того же об-ва; 7) Н. Е. Ефимов, автор рукописи „Матераилы для грамматики чув. яз." и пр. сел. учит. в Саратовск. г. и проч.

„Елабуга." „В. В." № 31, I/II—1892 г.

В то времe как религиозные книги на тат. и чув. языках расходятся в огромном числе экз. (напр. брош. о языческом жертвоприношении на чув. яз. в короткое время разошлась в 8000 экз.), книги на черемисском языке остаются на складе, что об'ясняется тем, что ученики черемисск. школ часто не выучиваются по-черемисски.

120. „Елабужский уезд." „В. В.", № 57. 5/III—1892 г. Б. п.

Перечисляются названия журналов и газет, выписываемых служащими и мастеровыми Бондюжского завода в 1892 г. (всего 29 назван., 46 экз., на сумму ок. 300 р., „В. В." один экз.).

„К „Казанской старине". „В. В.", № 85. 4/IV—1892 г. Заметка. В. М.

Воспроизводит выдержку из письма из Казани Тележникова от 14 июня 1841 г. в Цивильск С. П. Завацкому. „Вице-губернатор ездил в рыбной, забирал рыбу в долг под видом, а кто придет просить долг, то провожает по шеи... Приказал отвесить икры 6 ф.; отвеся, потребует мальчик деньги, а в долг не верит; он потребовал пристава Базилевича и приказал ему дать (торговцу-мальчику) 25 розог". (См. ответ В. М.—проф. Н. П. Загоскина. „К Казанской старине", В. В.", № 86.)

„Елабужский уезд." „В. В.", № 115, 9/V—1892 г. Б. п. О всходах озимей, разливе рек и проч.

„Елабужский уезд.“ „В. В.“, № 142, 9/VI—1821 г. Б. п. Сельско-хозяйственная информация. О голоде у вотяков. Цензура вычеркнула сообщение, что во время пожара в тат. деревне Старые Юраши тушители направили гасительную машину для защиты питейного заведения Стахеева. Урядник же ударом шашки по руке одного из гасильщиков отбил машину для защиты обывательских домов, за что урядника избили.

„Елабужский уезд.“ „В. В.“, № 282, 7/XI—1892 г. Б. п. О небывалом деле в уезде: общественных запашках с целью пополнения общественных магазинов.

125. „Елабуга.“ „В. В.“, № 287, 12/XI—1892 г. Б. п. Инцидент в с. Умяк по поводу оценки казенной мельницы, в результате которого лесничий избил сельского старосту и последовало распоряжение запереть крестьян в амбар, не желавших подписать протокол неправильной оценки.

„Елабуга.“ „В. В,“, № 317, 13/XII—1892 г. Б. п. Экстренное земское собрание.

„Отчет инспектора Народных Учил. Елабужского у.“—Журнал и доклады Елабужскому Земскому собранию 26 очер. сессии 1891—92 г. Стр. 395—405.

Поднимает вопрос о введении обучения в начальных школах Елаб. уезда на инородческом языке, в виду того, что инородцы (в частности вотяки) боятся отдавать детей в школы, где их (детей) наказывают за незнание языка русского и где над ними русские ученики смеются.

„Иван Васильевич Шишкин. 1792—1872“. „Календар Вятской г. на 1892 г.“ Вятка. 1891 г. С. 309—313.

Биографические сведения об отце художника И. И. Шишкина, известного в Елабуге своей „книжностью“: исследовал Елабужские древности, называющиеся „Чертово городище“ и „Ананьинский могильник“, составил и напечатал „Историю г. Елабуги“ (1871 г., М.) и пр. Между прочим приводятся биографические данные о семье члена Росс. Акад. Наук К. И. Невоструева, уроженца Вят. губ.

„Иван Васильёвич Шишкин, гражданин г. Елабуги“. „Календарь Вят. г. на 1893 г.“, Вятка. 1892 г., с. 396-410. Дата: 10/VIII, 1892 г. Елаб.

Дополнение к биографической заметке вышеотмеченной. Упоминается, что И. В. Шишкин был избран членом корресп. Моск. Арх. Об-ва., издал „Практическое руководство к построению и улучшению разных мельниц“, М. 1857 г. и представил в „Комитет по устройству в г. Казани водопровода“ два проекта снабжения г. Казани водою.—Автор предлагает учредить в г. Елабуге Шишкинскую общественн. библиотеку с читальней комнатой и с археолого-этнографическим музеем во внимание к безкорыстным трудам Шишкина, чтобы дать возможность развивать свои природные способности и обогащать себя научными знаниями и не богатым гражданам города, для улучшения всего, что окружает, не выезжая за пределы такого глухого места, как Елабуга.

130 **„Алфавит языческих имен черемис Елабужского у.“**. „Календарь Вятск. г. на 1893 г.“ Вятка, 1892 г., с. 114—123. В алфавите 654 современных имен черемис. Составлен по спискам учителей черем. школ. Считая свой труд первой попыткой составления полного алфавита черем. имен, автор говорит, что для такого алфавита можно набрать имен не менее того количества, каковое он набрал для алфавита чуваш. имен (10900). Замечая, что в русск. литературе нет не только лингвистических об‘яснений названия языческ. имен инородцев б. Казанск. царства, но и простых алфавитов таких имен, автор полагает, что алфавиты могут дать обильный материал для выяснения древних воззрений инородцев на происхождение души ребенка, влияния на ребенка небесных светил и проч. Сличив алфавиты чув. и черем. имен, автор пришел к убеждению, что чуваши, черемисы и татары носили имена в знач. числе тождественные. Алфавиты имен дадут возможность выяснить: а) сходство и разницу имен, б) определить, заимствованы ли инородцами имена от

другого племени или же взяты из собственного языка, в) проследить, кто из инородцев жил и развивался самостоятельно и кто от кого находился в зависимости.

Приводит список волостей и деревень Елаб. у., где в настоящее время живут черемисы.

„**Приволжские чуваши.** (**этнографический очерк**).“[1]) „Симб. губ. Вед № 20, 17/III—1893 г. В. Магницкий. Дата: 6/II—1893 г. Елабуга. Заголовок принадлежит очерку Охотникова, автор же сообщает краткую биографию Охотникова — студента-чувашина, сконч. в Казани 29 янв. 1892 г. от чахотки, причем ряд трудов последнего („Записка из чувашской жизни“и проч.) оказались в распоряжени автора.

Рассказывает о следующем факте, имеющем большое отношение к его собственной биографии: „В конце мая 1890 г... Охотников посетил меня с молодым чувашином... М. Егоровым (с. Воскресенских Шигалей, Цив. у.),.. и сообщил мне, что Егоров еще в феврале назначен учителем в Бичуринское уч., но жалование ему до сих пор почему-то не выдается (выпиской жалования на содержание Бичуринского у. заведывал я), и что Егоров обязан расписываться в получении 25 р. в месяц, а брать из них только 5 р., остальные же 20 р. передавать зав. училищем на исправление изгороди вокруг училищного двора“.

(По поводу этой статьи он пишет И. Н. Юркину (Елабуга, 8 апреля 1893 г.): „Я не мало изумился, что факты присуждения чуваш к повешению и урезки жалования у М. Е. нашли место на страницах ведомостей, тогда как я предполагал, что эти-то именно факты и будут прежде всего похерены. Воображаю, как передернуло Я..., когда он прочитал об М. Е. и

[1]) См. **Комиссаров, Г. И.** Чуваши Казанского Заволжья. Изв. общ. арх. ист. и этн.“, т. XXVII, в. 5. и **его же** — К этнограф. карте Козмод., Цивил., Чебокс. и Ядр. у., там же, т. XXVIII, в. 4—5.

даже начинаю подумывать, как бы он в отмщение не сочинил мне новую пакость".) x)

Сообщает о военном суде по делу чуваш Цивильского у. обвинявшихся в поземельном бунте и убийстве, по каковому делу Охотников (в первые месяцы своего студенчества) был переводчиком.

„**Тяжебные документы чуваш Козмодемьянского у. XVI—XVIII ст**". К. 1893 г. С. 19. Оттиск из „К. Г. В.". В. Магницкий. Воспроизводит копии: 1) жалованных грамот на Кинярьский остров на Волге, в Козмодем. у. 2) челобитную чуваш Чебокс. у., Туруновской в., д. Кинярь., 3) „Память Чебоксарские приказные избы под'ячему", 4) про меморию ст. сов. Вячеслава (1758 г.), 5) предложение Казанск. и Пензен. Ген. Губернатора кн. П. С. Мещерского Свияжской провинциальной канцелярии (1781 г.)

„**Из быта чуваш Каз. губ**. (**Ирихи. Киремети. Браки**)"—„Этнографич. Обозрение", кн. XVIII, М. 1893 г., с. 131—8.

Дополняет свои сообщения по этому вопросу („Об ирихах у чуваш" и „Этнограф. стат. данные о браках чуваш Каз. губ.".—Изв. об-ва арх., ист. и этн.", т. IX и X). (См. **А. Земляницкий**. „Легенды чуваш о кереметн". „Изв. по Каз. Епархии", 1869 г. I/III—,№ 5; **А. Алексеевский**. „Случай из практики приходского священника у чуваш", там же, 1869 г., 15/VIII, № 16; **М. Егоров**. „Чув. моление домовому „Хирт-сурт чуке". „Вол. Вест.". 1895 г., 7/III, № 59; **Аш**. „Из чувашских впечатлений". „Вол. Вестн.", 1895 г., 15/III, № 67; **Н. А**. „Любовь в жизни и песнях инородца". „Вол. Вестн.", 1895 г., 30/III, № 80; **М. Егоров**. „О чув. заговорах". „Вол. Вестн.", 1895 г., 26/IV, № 102; **Н. Ашмарин**. Очерк нар. поэзии у чуваш. „Этногр. обзор.", 1892, кн. XIII, М.)

---

x) Я... это Яковлев. В дальнейшем отношения между В. К. и Яковлевым вполне наладились, но мы считаем необходимым привести эту интересную деталь из жизни Яковлева и в то же время В. К., т. к. в связи с сообщением этого факта попечителю, В К. „в наказание" был переведен из Казани в Елабугу.

Пишет про деда Н. И. Золотницкого—И. С. Протопопова, умершего в 1871 г. 92 л. и бывшего священником 52 г. в с. Кошках, Чеб..у. „Дом его в Кошках был выше приходской деревянной церкви, у него были крепостные дворовые люди; на доме его по углам было 4 башни. На эти башни И. С. от времени до времени всходил для наблюдения, не покажется ли в окружавшем село лесу где либо подозрительный дымок. Завидев дым, И. С. приказывал заложить тройку и отправлялся по направлению дыма, чтобы изловить чуваш на месте жертвенных их приношений... В беседе о чувашах И. С. отозвался нам (в конце 60-х годов. М. К.), что чуваши теперь вовсе не таковы, какими он застал их, по поступлении на должность свящ. в с. Кошки, когда он не раз находился в опасности быть убитым ими. Многими сказаниями о чувашах позаимствовался от И. С. известный исследователь ад. проф. Каз. ун. В. А. Сбоев, воспитывавшийся в деревне в его доме."

Упоминая о собирании сведений об ирихах, В. К. говорит в примечании, что об них доселе нельзя составить опред. понятия потому, что, „писали крайне неопределенно, поверхностно, не видавши нередко и в глаза описываемого предмета, и притом с целью не выяснения сущности дела, а глумления и презрения к языческим верованиям чуваш."

„**Елабужский уезд**". „В. В.", № 4, 5/I—1893 г. Б. п. О варке самогонки вотяками.

135. „Елабужский уезд". „В. В.", № 34, 5/II—1893 г.

Случай из быта крещеных татар. Вычеркнут цензурой следующий абзац: „Голь.. встречается у нас по всем дорогам и притом главным образом из среды татар. Переходит она из деревни в деревню вследствие крайней нужды в своих деревнях от неурожаев, повторяющихся у нас подряд три года. От урожая минувшего лета на долю многих пришлось у нас в уезде ржаных хлебов лишь от 15—30 телег на душу, вместо обычных 150, которые были перевезены лишь,

по местному выражению, с поля на поле, т. е. по обмолоте полученное зерно было тотчас же высеяно сполна под озимь".

„**Елабужский уезд**." „В. В.", № 85, 7/IV—1893 г. Б. п. О значении устроенной в с. Пьяный Бор „вечере-елке", как о таком нравственном развлечении, которое может развивать и укреплять в детях и крест. населении любовь к нач. нар. училищам.

„**Елабужский уезд**." „В. В." № 89, 11-IV, 1893, Б. п. Описывает мытарства крестьян, пострадавших от пожара, с получением страховых взносов. Заголовок „Судьба мужицкой копейки" цензурой был вычеркнут.

„**Елабуга**." „В. В.", № 99, 21/IV—1893 г. Б. п. Постройка дамбы. Городская санитария. Эпидемии.

„**Елабужский уезд**." „В. В.", № 102, 24/IV 1893 г, Б. п. Народные суеверья среди жителей починка Вишура, Асановск. вол. (Открытие колдуньи).

140. „**Елабужский уезд**." „В. В.", № 113, 5/V—1893 г. Б. п. Сумасшествие вотяка в д. Лялях, Асановской в., убийство им двух человек и самоубийство.

„**Елабуга**." „В. В.", № 148, 12/VI—1893 г. Б. п. Миссионерская деятельность в уезде среди татар и об открытии в 1735 г. в Елабуге инородческой школы для обучения крещеных вотяков и проч.

„**Елабужский уезд**." „В. В.", № 152, 16/VI—1893 г. Б. п. Сельско-хоз. сведения. Пожары.

„**Елабужский уезд**." „В. В.", № 162, 25/VI, 1893 г. Б. п. Текущие сель. хоз. новости.

„**Елабуга**." „В. В.", № 176, 11/VII—1893 г. Б. п. Постройка новых домов. Цензура вычеркнула два абзаца, описывающие, как „наши оберегатели общественной безопасности" устраивают гонки по улицам Елабуги, думая, что улицы устроены для их удовольствия.

145. „**Елабуга**." „В. В.", № 180, 15/VII—1893 г. Б. п. О помощи кустарям.

„**Елабуга**." „В. В.", № 195, 31/VII—1893 г. Б. п. Приезд Н. С. Абазы. Хлебные цены.

„**Елабуга**." „В. В.", № 216, 23/VIII—1893 г. Б. п. Текущие новости.

„**Елабуга**.“ „В. В.“, № 226, 4/IX—1893 г. Б. п. Организация „комитета для представления работ нуждающ. женскому населению“. Производство ткани из крученой бумаги. Проект взимания налогов хлебом.

„**Елабуга**.“ „В. В.“, № 255, 6/X—1893. Б. п. Использование земством молотилок.

150. „**Елабуга**.“ „В. В.“, № 257, 8/X—1893 г. Б. п. Отсутствие библиотеки.

„**Елабуга**.“ „В. В.“, № 264, 15/X—1893 г. Б. п. Убийство бежавшим острожником вотяком своей жены.

„**Елабужский уезд**.“ „В. В.“, № 276, 29/X—1893 г. Местные промыслы. Сель. хоз. хроника.

„**Елабужский уезд**“, „В. В.“, № 298, 19/XI—1893 г. Праздники и характер их празднования в сельском быту.

„**К биографии Н. И. Лобачевского**.“ „В. В.“, № 306, 27/XI, 1893 г. **В. М.** Сведения о дер. „Слободка“, принадлежавшей Н. И. Лобачевскому и находившейся в Чебоксарском у., на прав. берегу Волги. Другое ее название „Беловолжская слободка“. Дом Н. И. Лобачевского был куплен в нач. 70-х г. г. у сыновей Лобачевского (Н. и А. Лобачевские) купцом Забродиным, в каковом он и живет в настоящее время в той же деревне.

155. „**Елабужский уезд**.“ „В. В.“ № 319. 11/XII—1893 г. Б. п. Открытие нар. чайной на средства интеллигенции и торговцев в с. Можге.

„**Елабуга**“. „В. В.“ № 324, 16/XII—1893 г. Б. п. Открытие дома труда

„**Елабуга**. „В. В.“, № 333, 25/XII—1893 г. О борьбе города с монастырем из-за земли.

„**Елабуга**“, „В. В.“ № 335, 30/XII—1893 г. Б. п. Земская библиотека.

„**Отчет о состоянии нар. учил. и частн. уч. заведений Елабужского у. за 1892—3 уч. г.**“. „Журналы Елабужск. уездного земского собрания XXVII очер. сессии“, Елабуга, 1894 г. С. 173—211

Отчет формальный, но обращает на себя внимание след. место: „по поводу угрозы одного учителя поста-

вить весь класс на колени, высказанной в присутствии инспекции и письменной жалобы на дерзкое обращение с учащимися другого учителя, как этим учителям, так и другим об'явлено, что: „ставление на колени" на ряду с удалением шаловливых учеников из класса признано мерой вредной и нетерпимой...Одинаково вредной мерой считает инспекция и оставление без обеда... Традиционные „ставление на колени" и „оставление без обеда"...с юридической точки зрения, по мнению инспекции, близко граничат с преступными деяниями, караемыми по Улож. о наказании под именем „истязаний или иных мучений" и „незаконное лишение свободы". И то и другое школьные наказания учащихся антипедагогичны и потому, что ими внимание наказанного ученика привлекается не к преподаваемому уроку, а к ощущению боли и голода, что безотносительно должно бы в учащих вызывать сострадание и принятие мер, если не к устранению, то к облегчению страданий, а не вызывать самим эти страдания у беспомощных детей...Кроме того, двум названным учителям... об'явлено, что должностные лица, по Улож. о наказ., подвергаются ответственности и за раздражительное повышение голоса при отправлении должности, не говоря уже о допущении оскорбительных и неприличных обзываний учащихся разными унизительными словами и т. д."

В заседании 19 сентября 1893 г. Елаб. Уездн. Зем. Собр. XXVII очередн. сессии выразило „благодарность инспектору нар. уч. В. К. Магницкому за его полезную деятельность". (стр. 166).

160 „Елабуга", „В. В.", № 48, 20/II—1894 г. Б. п. О ремесленном училище.

„Елабуга", „В. В.", № 80, 29/III—1894 г. Б. п. Выборы гор. управы. О необходимости установления праздничного отдыха для приказчиков.

„Елабуга". „В. В.". № 102, 24/IV—1894 г. Б. п. Смерть Антропова, А. С.

„Елабужский уезд.," „В. В." № 138. 2/VI, 1894 г. Б. п. Бешеный волк. Сел. хоз. новости.

„Елабуга“—„В. В.“ № 144, 9/VI—1894 г. Б. п. Экстрен. земск. собрание.

165. **„Елабуга“** „В. В.“ № 158, 23/VI—1894 г. Праздничный отдых для приказчиков.

„Елабуга“, „В. В.“, № 197, 4/VIII—1894 г. Б. п. Перевыборы зем. управы. Бегство интеллигенции из уезда.

„С. Шуматово.“ „В. В.“, № 268, 23/X—1894 г. Б. п. Чувашские кладбища.

„С. Шуматово.“ „В. В.“ № 288, 13/XI—1894 г. Б. п. Отношение чуваш к смерти Александра III. Справление „родительской“.

„С. Шуматово.“ „В. В.“ № 304, 1/XII—1894 г. Б. п. Описание р. Вылы.

170 **„С. Шуматово,“** „В. В.“, № 55, 3/III—1895 г. Б. п. Масляница у чуваш.

„С. Шуматово.“ „В. В.“, № 87, 10/VI, 1895 г. Б. п. Характеристика сборов с крестьян платежей. Суеверия связанные с весной.

„С. Шуматово.“ „В. В.“ № 139, 9/VI—1895 г. Самоубийство чувашки. Закладка садов.

„Краткие сведения о положении нач. нар. училищ Елаб. у. в 1893—94 уч. г.“ „Журналы Елабужск. уезд. земск. собр. XXIII очередн. сессии,“ Елабуга, 1895 г. 372—394. Дата 30/VIII—1894.

Отмечает, что „к прискорбию, елабужские деятели продолжают считать принцип начального обучения инородцев на их родных наречиях, санкционированный сначала М. Н. П., а потом и Синодом... увлечением... Н. И. Ильминского, тогда как в действительности этот принцип по отношению к каждой народности был высказан слишком 300 лет тому назад славянским педагогом Каменским...Сколько мне известно, для обучения татар и вотяков „нужды ради священства“ в дворцовом с. Елабуге была открыта инородческая школа в 1740 г., неизвестно когда закрывшаяся. Таких школ в Казанск губ., в состав коей до конца 1780 г. входили Елабужские и Сарапульские у., было учреждено тогда

4 и все они закрылись, по тогдашним оффиц. уверениям „по тупоумию“ инородцев, которое в действительности обусловливалось тем, что инородческих детей, не знавших ни слова по русски, сразу усаживали за изучение церк. слав. букваря и подчиняли самой суровой школьной дисциплине, из за чего инородческие ученики разбегались из училищ... Нынешние деятели, не зная подчас ни одного языка, смело берутся уверять, что инородческие языки настолько бедны, что на них нельзя, напр., перевести хотя бы след. русские слова: тетрадь, графит, евангелие, октоих, литургия, панихида, акафист, кафизма, ипостась, икона и т. д. Это конечно сущая правда, но при этом не следует забывать, что перечисленные русск. слова сделались русскими лишь после принятия русскими от греков христианства“.

В заседании 29 сент. 1894 г. Елаб. у. Зем. Собран. XXVIII оч. сессии постановило „благодарить бывшего инспектора нар. уч. г. Магницкого, уведомив его об этом письменно“ (с. 352).

„К вопросу о тамбовских и казанских татарах“, „Изв. об-ва арх., истории и этногр.“, т XII, в. 5, К. 1895 г., с. 466—8. Дата 3/XII—1894 г., с. Шуматово.

Относительно некоторых татар, обитающих в пределах б. Казанского царства все более приходит к убеждению, что они в действительности омагометанившиеся в разное время чуваши, чему приводит доказательства.

175. „Из быта Казанских инородцев. (К вопросу о человеческих жертвоприношениях)“. „Этнографическое Обозрение“, кн. XXII, М. с. 136—41 и в „Вятском Крае“, 1895 г. № 59.

Отмечая, что из всех инородцев, населяющих Каз. г., казанцы считают народом культурным одних только татар, к чувашам же, черемисам и т. д. относятся насмешливо, презрительно, горячо опровергает те нелепости, которые циркулируют между русскими о местных инородцах, наприм. о человеческих жертвоприношениях черемис и вотяков. Такие легенды, по мнению

автора, возникли на почве злоупотреблений старых суд. админ. деятелей. (См. И. И. Бабушкин. О человеческих жертвоприношениях у вотяков. „В. В.“, № 153 23-VI 1895 г.

„Царский дуб“ в Козмодемьянском уезде“, „Каз. Тел.“, № 583, 12-I—1895 г. Письмо в редакц. В. Магницкий.

Говоря о дубе, близь которого останавливался Павел 1 в 1798 г. на Московском почтовом тракте, о чем имеется „повесть“ чувашина С. М. Михайлова, ставит вопрос о том, чтобы земство не забыло и памяти „своего первого историка, этнографа и статистика“ С. М. Михайлова и ассигновало бы сумму на издание печатных трудов и посмертных рукописей-посвященных Козмодемьянскому у.. Приводит о нем некоторые биографические сведения и дает оценку его трудов.

„С. Шуматово.“ „В. В.“, № 235, 21-IX, 1895 г. Б. п. О поступлении в Симбирскую чувашск. школу.

„С. Шуматово.“ „В. В.“, № 224, 8/IX—189„ г. О возможности продолжения образованя чувашам по окончании сельск. училищ. Из истории Шуматовск. нач. училища (с. 1839 г).

„С. Шуматово“. „В. В.“, № 280, 10-XI—1895 г. Б. п. Положение сел. учителей. Об устройстве общественных бань в деревнях.

180. „Несколько данных о „мишарях“ (мещера, мещеряки) и селениях их в Казанск. и Симб. губ.“ „Изв. об-ва арх., ист. и эти.“, т. XIII, в. 4, Каз. 1896 г. с. 245-257. Дата 10/VIII, 1895 г., с. Шуматово.

В дополнение сведений о „мишарях“ сообщенных А. Ф. Риттихом („Материалы для этногр. Каз. губ.“ ч. 2, стр. 39—40—1870 г.) и Н. И. Золотницким („Корнев. Чув. русск. словарь“, 1875 г., приложение XII, с 223—7), приводит списки мишарских селений Чистопольского у., Каз. г. и Курмышск., Ардатовск, Сенгилеевск, и Карсунск, у Симб., высказывая опасение, что мишари Каз. губ. в предстоящую перепись будут попрежнему зачислены в число татар по привычке казанцев называть татарами все магометанские племена.

„Городище“ „Пиндер-Сырч“ и курганы в Ядрин. и Курмышск. уезд. Казанск. губ.“ „Изв. Об-ва арх. ист. и этн.“, т. XIII, в. 5, Каз. 1896 г., с. 364—373. Дата 10/XI, 1895 г,с. Шуматово.

Описание внешней стороны и преданий о городище и восьми курганах. Между прочим в связи с „Мултанским делом“, говорит, что считает русской легендой относительно вотяков, будто бы они приносят в жертву „живых людей“, т. к. если бы вотяки доподлинно приносили такие жертвы, то они в лице „жертвоприносимых“ сами создавали бы себе заведомо „злых духов“. Прилагается карта городища „П. С.“.

„**Гор. Кузмодемьянск и его уезд по 1-й нар. переписи** (1718—22 г. г.).“ „Изв. об-ва арх., ист. и этн.“ т. XIII, вып. 5, Казань, 1896 г., с. 428—443.

Список селений Козмодемьянск. у. с указанием количества жителей и фамильный список по категориям населения г. Козмодемьянска, относящиеся ко времени первой переписи.

„**Новые данные о мишарях**“. „Изв. об-ва арх., ист. и этн.“, т. XIII, в 6, К. 1896 г. с. 561—3. Дата: 12/IV—1896 г., с. Шуматово.

Данные о мишарях Буинского у., Симб. г., биографические сведения об С. П. Завацком и некоторые другие. (Его же см. о Завоцком в „Журнале 46 зас. Ниж. Арх. Ком. 22 окт. 1898 г.“, с. 2. Без обложки, даты и места издания.)

„**С. Шуматово**“. „В. В.“, № 1, 1/I—1896 г. В. Магницкий.

Возмущаясь безграмотностью и краткостью заметок о чувашах и черемисах, помещенных в 3-м томе „Всероссийского словаря-толкователя“ (изд. журн. „Родина“), вновь останавливается на невероятности легенды о „человеческих жертвоприношениях“ вотяков, в невероятности которой он еще более уверился после Мултанского дела. Приводит подробные соображения.

185. „С. Шуматово“. „В. В.“ № 35 9/II—1896 г. Выборы церк. старосты. О выгодах теперь этого места и о невыгодах—прежде, с связи с местными обычаями.

„**С. Шуматово**". „В. В.", № 50, 24/II—1896 г. Б. п. Первое применение лесоохранительного закона.

„**Школы Ядринского уезда** в 1895 г." „В. В." № 88, 10/IV 1896 г.

Статистические всесторонние данные. (См. то же про Козмодемьянск. у. „В В.", № 90 и Цивильск. у. „В. В." № 96.

„**С. Шуматово.**" „В. В." № 88, 10/IV—1896 г. Б. п. Обычай стрельбы за „заутреней" в чув. селах.

„**С. Шуматово**." „В. В.", № 115, 21/V—1896 г. Б. п. Добывание „березовицы" из стволов берез, как вредный обычай порчи деревьев.

190. „**С. Шуматово**." „В. В.", № 159, 16/VII—1896 г. Б. п. Летние обычаи. Несчастия связываемые чувашами с високосным годом.

«**С. Шуматово**." „В. В.", 204 № 13/IX —1896 г. Б. п. Сель. хоз. вести. Искажения в названиях селений (примеры).

„**С. Шуматово** " „В. В.", № 252, 13/XI—1896 г. Б п. Сель. хоз. новости.

„**Ядрин**." „В. В", № 280, 15/XII—1896 г. Б. п. Биографические данные о „друге народа" С. Я. Теплове-управляющем зав. Таланцевых.

„**С. Шуматово.**" „В. В." № 75, 22/III—1897 г. Б. п. Характерные черты деревенской масляницы. [1])

195. „**С. Шуматово**." „В. В.", № 121, 17/V—1897 г. Б. п. Приметы связанные с особенностями весны.

„**Недоумения сельского наблюдателя грозовых явлений.**"—„В. В". № 132, 30/V—1897 г. **В. М.**

Несколько вопросов о методах наблюдения. Его же. Письмо в радакцию по этому вопросу „В. В.", № 152, 21/VI—1897 г. **В. М.**

„**Историческая справка о г. Ядрине.**" „В. В," № 285, 17/XI—1897 г. **В. М.** Алатырь, Курмыш, Ядрин, составлявшие с их уездами алатырскую провинцию до 1780 г. входили в состав Нижегородской губ... См. по

---

1) См. Н. Архангельеский. Масляница у чуваш. „Изв. об-ва арх., ист. и этн.," т. XXVI, в 5.

этому поводу „Ответ В. М.“,—„К истории средн. Поволжья“ П. Юдина. „В. В.“, № 322, 30/XII—1897 г.).

„**Два „хола сече“ (городища) в Ядринском уезде**“. „Изв. об-ва арх. ист. и этн.“ т. XIV, в. I 1897 г., Каз. с. 101—8. Дата: 10/IX—1896 г., с. Шуматово.

Одно городище находится на левом берегу р. Пизенерь, впадающей ниже городища верстах в 2-х справа в реку Вылу, другое в ½ версте на ЮЗ от д. Изванкиной, в 3-х верстах от с. Аликова.

„**Волости и деревни Чебоксарского у. по одному фолианту** 1-й народн. переписи (1718—1722)“. „Изв. об-ва арх., ист. и этногр.“, т. XIV, в. 2. К. 1897. С. 223—5. Дата: 4/XII, 1895 г., с. Шуматово.

Пятьдесят семь названий деревень Чемуршинской, Сугутской, Кинерской, Ишлеевской, Ширданской и Ишаковской вол. с указанием количества душ в каждой деревне и с упоминанием, что всего по г. Чебоксарам и по уезду 14910 душ.

200. „**Поездка в Курмышский и Ядринский у. с археологич. целью**“. „Изв. об-ва арх., ист. и этн.“, т. XIV, в 4, К. 1898 С. 434—441. Дата: 11/XI, 1897 г., с. Шуматово.

Урочище „хола́ ço̐ҫӗ“, где по сказаниям был С. Разин и городище при д. Туры-Выл, Курмышского уезда, Симб. г., городище при д. Кармал, Ядринск. у., Каз. г., рассказ о чув. царе „Пике“ и пр.

„**Гор. „Чебоксар“ по 2-й нар. переписи в 1742—8 г.г.**“ „Изв. об-ва арх., ист. и этногр.“, т. XIV, в. 5, К. 1898 г., с 536—55.

Имена лиц, занесенных во 2-ю перепись, с указанием, кто владел крепостными; перечисляются церкви, монастыри, пустыни, учреждения. Указатель мест, где могут встретиться документы, касающиеся г. Чебоксар.

„**Нечто о чувашах, татарах и мишарях (Мещера, мещеряки, „можары“)**“. „Действия Нижегор. Губ. Арх. Ком.“ Сборн. Т. III, Н. Н., 1898 г., с. 37—50, В. Магницкий.

Географические сведения о местожительстве чуваш; указывает на Нижегородскую, Вятскую. Тамбовскую, Казанскую губ. и Тургайскую область и сопровождает исчерпывающей библиографией[1]). Исследует происхождение названия „татары“ и „мишари“ и описывает их местоположение. (Его же дополнение к этой статье см. в „Журнале 46 зас. Ниж Арх. Ком. 22 окт. 1898 г.“, с. 1—2. Без обложки, даты и места изд.).

С. Шуматово. „В. В.“, № 7, 9/I—1898 г. Б. п. Примеры несоответствия оффиц. названий селений с употребительными народными выражениями. О проживании башкир в Нижег. губ.

С. Шуматово. „В. В.“ № 59, 7/III—1898 г. Б. п. Оспа. Шуматовская лечебница (существующая с 1895 г.).

205. **С. Шуматово.** „В В.“, № 141. 10/VI—1898 г. Б. п. Глазная эпидемия. Суеверия, связанные с лечением (поездки в Ишаки и проч.)[2]).

„Время посадки дерев на „больших трактах“ в Ядринск. у.“ „В. В.“ № 198, 12/VIII, 1898 г. **В. М.**

Архивные данные из Шуматовск. вол. правления за 1822 г. Перечисляет волости Ядр. у. до 1823 г. и проч.

„Еще о посадке дерев на „больших трактах“ в Ядр. у.“ „В. В.“, № 246, 7/X—1898 г. **В. М.**

Дополнительные архивные данные.

С. Шуматово. „В. В.“, № 272, 4/XI—1898 г. Б. п. Результаты урожая.

---

[1]) В „Действ. Ниж. Арх. Ком.“, в 12—14, Н. Н., 1894 г, с. 3. сообщается, что член комиссии Магницкий, известил, что чуваши в начале 2-й пол. XVI в. жили также и в Терсинской в. Елаб. у., а в „Журнале 37 засед. Ниж. Арх. Ком.“ 28/IV—1896 г., с. 4-я, упоминается, что В. Магницкий возбудил вопрос о желательности выделить при предстоящей всеобщей переписи „мишарей“ из татар, чего можно достигнуть, если счетчики каждому спрашиваемому татарину будут предлагать вопрос,—„татарин“ он, или „мишарь“. Комиссия постановила обратиться в Нижег. губ. переписную ком. с просьбой поручить счетчикам задавать вышеупомянутый доп. вопрос.

[2]) См. В. Ф. Груздев. Народная медицина у чуваш' „Изв. об-ва арх., ист. и этн.“, т. XXX, в. 1.

„Разбойники в Ядринск. у. в былые годы“, № 287, 19/XI—1898 г. **В. М.**

В обширном (два „подвала“) очерке на основании архивных данных описывает организацию противуразбойничьих пикетов в 1815 г. О разбойниках 1822—1824 г.г. из русского села Алгашей, Курм. у. и их похождениях. О разбое 1781 г. около г. Ядрина.

210. **Ядринский у.** „В. В.“ № 7, 9/I—1899 г. Б. п.

Открытие нового здания 2-х классн. учил. в Аликове и открытие церк. прих. школы в с. Б.-Чурашеве.

С. Шуматово. „В. В.“, № 65, 12/III—1899 г. Б. п.

Отравление чувашкой своего мужа.

Ядринский у. „В. В.“, № 107, 1/V—1899 г. Б. п.

Характеристика голодающего населения.

„Нечто о переименованиях“. „В. В.“ № 210, 26/VIII—1899 г. **В. М.**

Говорит об изучении „хорографии“ Каз. Губ. и поднимает вопрос о присоединении к русским названиям улиц Казани названий их местными инородцами. Останавливается на выяснении того, какой инородческой народности обязана Казань своим возникновением.

С. Шуматово. „В. В.“, № 218, 5/IX—1899 г.

Сел. хоз. новости.

215. **С. Шуматово.** „В. В.“, № 283, 18/XI—1899 г.

Смерть от алкоголя.

Ядринский у. „В. В.“, № 298, 6/XII—1899 г.

Открытие 2-х кл. ц. прих. школы в д. Тивёш (Тиуши), одноклaсн. училища в д. Персирлан. Некоторые документы по истории просвещения в Ядр. у.

С. Шуматово. „В. В.“, № 120, 31/V—1900 г.

Погода и всходы хлебов.

С. Шуматово. „В. В.“, № 151, 8/VII, № 170—2/VIII, № 200, 10/IX—1900 г.

Сельхоз. новости.

„Библиотека и архив П. Г. Осокина“. „Изв. об-ва арх., ист. и этн.“, т. XVI, вып. I, с. 62—3. К. 1900.

Заметка о некоторых рукописных документах, находившихся в с. Черемышеве, Лаишевского у., Каз. г.

220. **„Прикамская народная этнографическо-сатирическая песня“**, „Изв. об-ва арх., ист. и этн. при Каз. Ун-те“, т. XVI, в. 2, К., 1900, с. 236—9.

Песня записана в Соколках, Мамадышского у., Каз. губ. с голоса крестьянки д. Н. Котловки, Мензелинск. уезда, Уфимской г. и снабжена автором комментариями и сведениями.

„Рукописный „Синодик“ свящ-иерея Алатырского у., с. Н. Троецкого, Ардатова тоже, М. Исаева 1746 г., „пугачевцы“ в 1774 г. и „чуваши“ и „доношение“ мордвина Саушева, 1741 г.“[1]) „Действ. Ниж. Арх. Ком.“. Сборн. т. IV, Н. Н., 1900 г, с. 25—32. Нар. предания о „злодействах пугачевцев“, совершенных ими в пределах Шуматовского прихода и проч.

„Грамота царей Иоанна и Петра Алексеевичей, посланная в 1692-м году в гор. Ядрин стольнику и воеводе Ивану Киприяновичу Лопухину“. „Действия Ниж. Арх. Ком.“. Сборник, т. IV. Н. Н. 1900 г., с. 20—4. В. Магницкий.

Грамота явилась результатом челобитья „Ядрин. у. деревень: Сормы, Хотяшевы, Яушевы и Оксыны (Акко-зи́ной?) чюваш Пихшички Чебакова с товарыщи“ и служит указателем того, до какой степени произвольно в старые годы приводились в грамотах названия „инородческих“ племен.

„Чувашин-этнограф Спир. Михайлов. (К истории местной этнографии). „Изв. об-ва арх., ист. и этн.“, т. XVII, вып. I, 1901 г., К., стр. 75—8.

С. М. Михайлов—первый историк, географ и этнограф из чуваш Козмодемьянского у., выступивший на литературном поприще в 1852 г. в „Каз. Губ. Ведомостях“ (№ 2) и впоследствии зачисленный членом сотрудником Русск. Геогр. Об-ва, коим он награжден был за геогр. этногр. труды серебряной медалью. Умер в 1861 г. в гор. Козмодемьянске. Автор предлагает издать сборники, напечатанных в „Каз. Губ. Вед.“:

[1]) В „Журн. 37 зас. Ниж. Арх. Ком. 28/IV—1896 г.“, с. 7 упоминается, что В. К. Магницким был представлен реферат „О вотчине еп. Питирима“.

1) грамот и др. исторических актов, 2) археолого-историч., географ. статистич. и этнографич. очерков и заметок и 3) трудов, в частности, С. М. Михайлова.

„Список селений „мишарей" в Буинск у, Симб. губ." „Изв. Об-ва арх., ист. и этн." 1901 г., т. XVII, вып. 2—3, с. 120—132. В. Магницкий.

Новые доказательства того, что татарами именовали долго и по завоевании Казани, кроме мишарей и **чуваш**, а верховых чуваш—черемисами. В список селений мишарей Буин. у. включено 35 названий.

225. **„Клады из мелкой серебряной монеты в Вятск. г."**, „Изв. об-ва арх., ист. и этн.", 1901 г., т. XVII, в. 2—3, с. 135—141. В. Магницкий.

Описание кладов, найденных в с. Ст. Саралы и в с. Пьяный Бор, Елаб. у. и около с. Рус. Шой, Урж. у. Высказывает предположение, что причиной образования кладов служит приношение кереметям.

„К биографии В. А Сбоева". „Изв. об-ва арх., ист. и этн.", 1906 г., т. XVII, в 4, с. 217—21. В. Магницкий.

Документы о происхождении Сбоева.

„К истории „присурских" чуваш, черемис, мордвы и Флорищевой пустыни". „Действия Нижн. Губ. Арх. Ком." Сборник, т. V. Н. Н. 1903, с. 25—32.

„Чувашские языческие имена", К. 1905 г., с. 101. В. Магницкий. Дата: 27/II—1898 г., Шуматово, Ядринского уезда.

В предисловии отмечает, что в Москве долго и по завоевании Казани именовали чуваш собирательным именем „татары." Кроме того чуваши под пером „дьяков" в грамотах нередко превращались в „черемис", чем и об'ясняется долгое игнорирование имени чуваш русскими летописцами. Утверждает, что именем несуществующей более народности „буртасы" назывались чуваши. Алфавит мужских языческих имен чуваш содержит 10587 имен, кроме того дается алфавит чувашских „тавраш" (173)—родовых фамилий.

229. **„Школьное образование и некоторые черты религиозно-нравств. жизни чуваш Ядринск. У**

(по архивн. документам)". „Изв. об-ва арх., ист. и этногр. при Каз. Ун-те", т. XXX, в. 2, К. 1919 г. Стр. 211—239. Дата 1899 г.

Высказывает мнение, что населяющие Казан. и др. Поволжские губ., так наз. русскими, „татары" в действительности во 1-х омагометанившиеся в разное время гл. образом „чуваши" и во 2-х „мишари". Приводит исторические данные о Ядринском у., о судьбе идеи учреждения ланкастерских школ среди инородцев по почину Каз. Ун-та, о начале обучения (в 1838 г.) детей „духовным начальством" и один из первых списков обучавшихся в с. Шуматове, о посещении уезда миссионером Самуилом, о преследовании т. наз. „емзей" и, подробно останавливаясь на профессии „емзей" вообще и на значении почитания „киреметей", доказывает, что словом „киреметь" у Казанских инородцев называется культ „праотец, отец и братий". Находит крайне желательным опубликование названий «киреметей», с описанием урочищ, на которых приносятся им жертвы и видов жертвоприношений. Говорит о браках чуваш, случаях снохачества и скотоложества, о распоряжениях против уклонения населения от „исповеди" и „причастия" и т. д.—В приложении к статье—краткая биография В. К. Магницкого (на 3 стр.) и список некоторых его печатных работ (1½ стр.), составленные Н. В. Никольским.

В. К. МАГНИЦКИЙ.

Фамилии чуваш в Ядринском уезде.[1])

Пересматривая летом 1886 года „Книги брачных обысков“ за 1803—6 годы, хранящиеся в церкви села Шуматова, Ядринского у., я заинтересовался в них, между прочим, фамилиями чуваш, стоящими после христианских их имен и отчеств[2]).

В первый раз мне довелось видеть фамилии чуваш в 1882 году в „Клировых ведомостях“ за 1825 год, хранящихся в церкви чувашского же села Ядрина (Ěдрин кассы) того же уезда[3]). Судя по тому, что фамилии чуваш, употреблявшиеся в начале текущего столетия, в настоящее время почти совершенно забыты, мне думается, что и в прежнее время они были в действительности не родовые фамилии, а личные языческие имена и частные прозвища; по всей вероятности чуваши, по непривычке к христианским именам, продолжали

---

1) Извлечено из архива Об-ва арх., ист. и этногр. при Каз. Университете. **М. Корбут.**

2) Я пересматривал „Книги брачных обысков“ для извлечения из них цифровых данных о возрасте вступления в брак чуваш, времени года заключения браков и проч. Добытые мною данные имеют быть представлены в Казанскую юридическую комиссию для изучения обычного права, удостоившую меня чести быть ее членом.

3) Из поездки в Ядринский уезд. „Волжский Вестник“ 1883 г. № 33. В статье этой прозвище: „Лотра“ следовало перевести: низкий, малорослый, вместо—долгий, высокий.

называться в семейном быту языческими именами, которые, в форме фамилий, и заносились в церковные документы [1]).

На такое предположение наводит меня и совпадение двух выписанных мной фамилий с языческими именами, записанными г-жей Фукс (Срав.: Охтиар, Хорас). Незначительные печатные списки языческих имен чуваш мне известны: во 1-х в „Записках Александры Фукс о чувашах и черемисах Казанской губернии". Казань. 1840, стр. 29—32 и во 2-х в рефератах И. А. Износкова, читанных им на казанских с'ездах естествоиспытателей 1873 года и археологов 1877 года. В виду тех соображений, какие высказаны И. А. Износковым в реферате с'езду археологов „о личных инородческих именах" [2];—я счел не лишним выписать из „брачных обысков" все встретившиеся мне в них фамилии чуваш и расположить их в алфавитном порядке. К выписанным фамилиям я присоединил несколько фамилий, записанных мной со слов жителей с. Шуматова; эти последние я отметил в своем списке звездочкой. В тех случаях, когда фамилия напоминает искаженное христианское имя, мной приводятся сполна самые имена, после которых стояла сомнительная фамилия.

Вот какие фамилии в начале нынешнего (XIX) столетия носили чуваши в Шуматовском и соседних приходах:

1. Азюган, выс. из Бол. Туван [3]).
Алманча, дер. Ордаш. (Татар. алманчи-сборщик).
Альгей, с. Шуматова, дер. Ордаш.
† Ама (Василий).

---

[1]) Тоже, кажется, практиковалось и относительно черемис. Фамилии при христианских именах черемис мне известны в копии с договорного письма 2-й половины прошлого столетия черемис Макаровского (Сернурского) прихода, уржумского уезда, на продажу ими земли крестьянам Лежниным; передана председателю названной комиссии, проф. Г. Дормидонтову.

[2]) Труды четвертого археологического с'езда в России. Казань. 1884.

[3]) Выселки из Больших и Малых Туван ныне составляют одно селение „Анат Снар" (Сунар).

5. Андрицов, сел. Чуваш. Сормы.
Ардемен, д. Кильдиш.
Арзуж, д. Янасал.
Ахваньдер, сел. Тораева.
Богатней, д. Исмендер.

10. Вазя, с. Шуматова (Чуваш. вазякорцы, котцы—рыболовный снаряд; но едва ли Вазя не от Вася—Василий).

11. Ванька—(Филип Васильев), д. Янасал.
Вастрюх, с. Чув. Сормы.
Еженьдер, Ельдимер — с. Шуматова.

15. Енюха (Григорий Иванов), с. Шуматова.
Ериван, с. Шумшеваш.
Еровой, д. Ордаш.
Иванка, с. Шуматова[1]).
Ижей, 20. Ильменча, Имдияр — д. Янасал.
Ихвоня (Иван Митрофанов), д. Янасал.
Коштан, дер. Янасал (Чув. коштан—ходок по делам, кляузник. Коштанкин—околодок дер. Янасал[2]).
Мадьян, д. Тиньгеш.

25. † Мазяк.
† Мегеть.
† Мигапар.
† Мигусь.
Мидунка, с. Шуматова.

30. † Мидур.
Милете, с. Шуматова.
Мозяк, выс. Бол. Туван.

---

[1]) Этим именем называется деревня Ванькина, по чувашски Иванушкын. До половины 40-х годов она и в церковных документах писалась: д. Иванушкина.

[2]) Село Шуматово и его приход. „Каз. Губернск. вед. 1870 г. № 63.

Оган, д. Четай.
Огарин
35. Огатник } д. Кильдиш.
Оденей, д. Ордаш.
Одиван, с. Шуматова.
Ордевен, д. Кильдиш.
Осй, с. Шуматова.

40. Отмендей
Огментей } с. Шуматово.
Оттей

Охвин, д. Кильдиш.
Охтиар, с.с. Шуматова и Тораева. У А. Фукс I.
45. Пазерей, д. Янасал.
† Пайман.
Паляк, д. Тиньгеш.
Пигильдя, с. Шуматова (Пи гильди—господин пришел—родился. Корневой чув. рус. словарь Н. И. Золотницкого, стр. 249).
Посконей, д. Кильдиш.
Раски—(Ураз—счастие, кильды—пришел).

Рихван, с. Шуматова.
Савринка, д. Бол. Четай.
Садиван, выс. Мал. Туван.
Сайор, д. Кильдиш.
55. Самарин, д. Тиньгеш.
Самик, д. Ордаш.
† Сахват.
Селиван, д. Кильдиш.
Сенгильдя, д. Янасал (Чув. синь—новый; син—человек; гильды (кильдытат)—пришел.
60. Сендер, д. Кильдиш.
Симикей (Афанасий Семенов), с. Шуматова.
Симула, д. Кильдиш.
Симушка, д. Янасал.

Слени, с. Шуматова.
65. Солтык, д. Мал. Сунар.
Тадик, д. Янасал.
Татарин, Тимула { с. Шуматова.
Тихан, д. Чураш.
70. Трихван (Василий Иванов), выс. Боль. Туван.
Хвалка, с. Чув. Сормы.
Хорас, Чадый { д. Кильдиш. У. А. Фукс, 56.
Чуреней, с. Шуматова.
75. Шаврин, с. Хочашево.
Юрмскей, д. Кильдишь[1]).
Ягуня, д.д. Мал. Сунар, Исмендер.
Ягусь, д. Янасал.
Яку—(Яков Иванов), д. Янасал.
80. † Ямуть.
Янасал, д. Янасал (Название: Янасал носят многие татарские деревни. Татары это название произносят: джана (зяна, яна)—новый, сала—селение).
Яндимер, с. Шуматова.
† Ярабы.
Яруня, л. Янасал.
85. Ясков (Егор), с. Шуматова.
Яшмула, Кильдиш.
87. Фидосей, д. Измендер.

Из женских прозвищ мне удалось записать со слов жителей села Шуматова лишь одно Чигес—ласточка. Такая кличка дана была в окол. Моляковом одной девочке, т.к. бывш. до нее дети умирали. Родители девочки, опасаясь за ее жизнь, и придумали ей кличку Чигес—ласточка, в полном убеждении, что когда смерть придет, то, услыхав имя Чигес (ласточка), подумает что это птица, и уйдет, не тронув ребенка.

Казань, 13 Сентября 1886 г.

[1]) Название Юрмскей носит один из околодков деревни Янасал. См. село Шуматово и его приход.

В. К. МАГНИЦКИЙ.

Археологические достопримечательности в районе с. Шуматова, Ядринского уезда [1])

Летом 1873 года, приехав в с. Шуматово, я в числе местных новостей узнал, что от Шуматовского волостного правления требуются сведения, не находятся ли где в волости: городища, курганы и проч.

Занимавшись в то время розысканием и описанием таких же памятников древности Чебоксарского уезда, я поинтересовался узнать, имеет ли правление сведения о каких либо местных древностях и в ответ получил— никаких.

При этом мне припомнился бугор близь деревни Юманай (Изейкин), который в детстве я часто посещал с братом сверстником—ранней весной для поисков

1) Настоящая статья, несколько в измененном и дополненном виде, была представлена г редактором „Каз. Губ. Вед." Н. Ф. Юшковым на С'езде Естествоиспытателей в Казани, которому и была доложена, но в архив комитета по изданию трудов С'езда не попала, за утратой. Между тем заглавие ее (по протоколам С'езда) приводится в исследовании С. М. Шпилевского: „Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии", стр. 529—вот почему я и решился возобновить ее, по сохранившейся черновой наброске. (Найдена нами в архиве об-ва арх., истор. и этногр. при Казанском Университете и печатается с некоторыми несущественными сокращениями. Об этой статье В Магницкий говорит, что она „не дошла до общества" (т. е. пропала) в т. III „Изв. Об-ва Арх., ист. и этнограф.", 1884 г., с. 161 в сообщении „Из поездки в село Шуматово". **М Корбут.**)

киреметных серебряных пятачков, а летом—для рубки с росшей подле него березы веников, и пожелал осмотреть его, задавшись, что бугор—курган.

Интересовавший меня бугор оказался верстах в 2-х от с. Шуматова на юго-запад и около версты от ближайших к нему деревень: Юманай и Тингеш на северо-востоке от них, в пахатном поле, саженях в 10-ти влево от ведущей из села в деревни дороги; вышиною он глазомерно аршина два, шириною в диаметре по основанию сажен трех, с ровным овалом на все стороны, низ южного бока его, на пространстве аршина, запахан, к северо-восточному же примыкает небольшая непаханная луговина. В 1850—54 году, когда я посещал бугор, на нем росло несколько об'еденных скотиной березовых, таловых и яблонных кустов, в данное же время я насчитал на нем всего три куста, при чем росшие на краю луговины береза, вершков четырех толщиной, и, чрез несколько загонов от нее, на полевой меже, почти такой же толщины яблоня—сохранились. Окружающая бугор местность (пахотное поле)—совершенно горизонтальная, из чего мне кажется, следует несомненно, что бугор—искусственный (курган). С вершины его окрестность во все стороны виднеется на далекое расстояние, это и потому, что данная местность самая возвышенная в целом Ядринском уезде[1]).

Под березой и яблоней я между прочим нашел и собрал несколько свежих экземпляров нохраток (жертвенных кружечков из белой жести), лежавших частью открыто, частью завернутыми в лоскутки оберточной бумаги и новые круглые вырезки из холста. Об этих последних сообщили мне, что это вырезки от рубашек для шеи из вновь початого холста, что вырезки эти чувашами нарочно сберегаются, что, по принесении их в жертву киремети, женщины и девушки молятся об

---

[1]) Село Шуматово и его приход. «Каз Губ. Вед», 1870 года № 63 и 68.

урожае льнов и коноплей [1]). Все собранное под яблоней и березой мной в том же году было отправлено в Русск. Географ. Общество.

Здесь, мне кажется, кстати указать на ошибочность мнения, высказанного Н. И. Золотницким, будто при местах шаманских жертвоприношений никогда не встречается никаких укреплений [2]). На месте Хола ду (укрепленная гора), в Янцибуловском приходе, Чебоксарского уезда [3]), на левом берегу речки Шутнэрки, близь впадения ее слева в Средний Аниш [4]) достоверно

---

[1]) В Чебоксарском уезде, в деревне Масловой, киремети в саду Яванского приносятся в жертву отрезки от нового холста трех и четырех угольные, в некоторых случаях с надрезами по краям. См. Жертвенные приношения чуваш. „Каз. Губ. Вед." 1875 г.

[2]) Древние города, Шпилевского, стр. 529 – 530.

[3]) Это укрепление по моей вине в исследовании С. М. Шпилевского описывается дважды. См. стр. 520, № 10 и 525, Цивиль. уезд № 2. В 1876 году мною записаны чувашские названия окружающих Хола ду урочищ, об'яснение значения коих осветит полнее назначение укрепления. Запись их передана мной в распоряжение И. А. Износкова вместе с собранными сведениями о дер. Шмалах-Шыхабыловой.

[4]) В виду неполноты перечней Анишей и неточности обозначения их в печатных источниках, считаю уместным привести, что во 2-м стане Чебоксарского уезда протекает четыре Аниши (У С. М Шпилевского большой Аниш и два его притока средний и малый Аниш, стр. 525), по-чувашски—Энӳш: 1-й большой или Кошкинский; берет начало близь границы Цивильского уезда, верстах в 2-х на юг от деревни Тинговатовой (Энӳш Кӧшки), Чебоксарского уезда, на левом берегу его. 2-й малый Аниш: пересекши границу Цивильского уезда, (где именно он в нем берет начало, доспроситься не привелось, как и о двух нижеследующих) течет по Чебоксарскому у. между селом Кармалами (Шӳшнерево), д.д. Исеняши на правой его стороне и Малыми Крышками, Калугиной и Эблес—на левой (У С М. Шпилевского Эблес—(Абляз, Аблязова) на левом берегу б. Аниша) и впадает справа в большой Аниш между Эблес и селом Байгуловым, на юго-западе от последнего; 3-й средний Аниш, течет между Шмалах-Шихабыловой на левой стороне и селом Янцибуловом на правой и под деревней Старо-Янзитовой (Кинчери) впадает слева в верхний Аниш; 4-й верхний Аниш: входит в Чебоксарский повыше деревни Чекедуй на правом его берегу; по соединении с Середним особым руслом течет до Свияжско-Чебоксарского почтового тракта, где подле Мало-Карачевского моста круто поворачивает вдоль тракта и впадает справа в Большой Аниш у Бай-

совершались чувашские шаманские мольбища[1]). Из ст. Сп. Михайлова: Балдран базар[2]), мне помнится, что этот весенний чувашский праздник в Козмодемьянском уезде справляется на месте двух курганов.

Результат моей поездки на курган был сообщен волостному писарю, который передал, что, 1-ое, курган находится еще близь дер. Тингеш, на правом берегу р. Вылы; а в урочище Пӳгӳ—киреметь на восток от деревни Анат-Снар, 2-е, Сăув Олых—кладбищенский луг, при распашке коего выпахиваются гробовые доски. Осмотреть эти достопримечательности и собрать об них точные и подробные сведения мне не удалось.

В составлявшемся тогда отцом историческом очерке села Шуматова и его прихода, для введения в церковно-приходскую летопись, записано было предание о **Тӳттӳм пазар**—темный (тайный) базар. Под этим именем в приходе до сих пор известен овраг, на север от деревни Анат-Снар (Сунары, Снары), начинающийся у Цивильско-Ядринского почтового тракта и спускающийся на правый берег р. Йорбаша[3]). По преданию,

гуловского моста, вместе изгиба весной под первым мостом он прокладывает себе особое русло, в обход Марковой мельницы, на северной стороне тракта, которое на лето собственником мельницы перепружается. Несомненно о Верхнем Анише, как ближайшем, чуваши дер. Масловой, рассказывают миф, что Аниш у их предков просил себе черного быка за то, чтобы соединиться с протекающей под их деревней речкой Бувой (Пува), но они не дали и потому он направился в Волгу.

[1]) На оригинале рукописи, который, повидимому, просматривал Н. И. Золотницкий, последний пометил на полях: „На развалинах может быть совершались мольбища, но не укрепление же устроено для мольбищ." (М. Корбут).

[2]) «Каз. Губ. Вед.» 1853 г. № 21.

[3]) О значении названия этой реки Н. И. Золотницкий в письме от 19 апреля 1875 г. сообщил мне: „В ст. о Шуматовском приходе Вы речку Ербаш произвели от йор—снег, между тем как известно, что мелкие реки у чуваш—сьырмары шузам—называются более по местности; поэтому Ер есть ни что иное, как тюркское (т. старо-чувашское), а оно же и русское яр—крутой берег—нынешн. чувашск. сьыр (а от него сьырма), а башь—татарск башы, так что Ербаш—нынешн. чувашскому сьырма позе(ь) — голова (вершина) оврага.

овраг получил такое название от того, что живший в вершине его лет 200 тому назад чувашин, нынешней Аликовской волости, деревни Малых Туван, Иштпай занимался приемом и сбытом краденого. За это он, гласит далее предание, лишен был, по решению суда, языка и сослан. Вследствие этого, оставшаяся после него семья переселилась на левый берег Йорбаша и на устье впадающего в него оврага и ключа рядом с существовавшим уже выселком из Больших Туван, основала выселок из Малых Туван.

Выселок из Больших Туван основан, по преданию, Свендеем, сыном Ешпара, бежавшим с матерью и братом Фандеем из села Больших Туван, Курмышского уезда, от преследований за убийство их работниками одного из своих товарищей. Убежищем своим Свендей избрал нынешний Шуматовский приход потому, что мать его была родом из этого прихода, из околодка Старого (Тозайкин, Йорбашсьом, старая деревня) верстах в двух от Анат-Снар на северо-запад.

В настоящее время жители обоих выселков слились в одно селение, выделив часть на правый берег Иорбаша, основав на нем „Заречный околодок"; но по церковным документам и до сих пор различаются... деревни Анат-Снар, выселка из Больших Туван, из Малых Туван.

Что замечательно, потомки Иштпая до сих пор славятся страстью к мелким кражам: овец, гусей, снопов с полей, за что и судятся часто на волостном суде.

Благодаря тому, что Тӳттӳм пазар и прилежащая к нему окрестность на южной половине тракта покрыта до сих пор кустарником, а по северной стороне его тянется Тораевская дубовая корабельная роща, в вершине оврага до последнего времени стоял казачий пикетный дом. В свое время он построен был несомненно потому, что по тракту, до развития пароходства на Волге, ездили на Нижегородскую ярмарку некоторые купцы и мелкие торговцы. Для сокращения пути Цивильско-Ядринским трактом Нижегородские ватрасы

(скупщики сырья по деревням) ездят и сейчас во весь круглый год, а осенью, до покрытия льдом Волги по нему из Нижнего в Казань идут обозы с товаром. Обстоятельство это в свое время вызвало устройство на тракту постоялых дворов. Два постойных пункта находятся в Шуматовском приходе: один в версте от деревни Анат-Снар, вверх по Йорбашу, при переезде чрез него, основан был отставным солдатом чувашином Павлом Афанасьевым, женатым на русской; другой—Янасальские дворики, на четыре версты дальше от первого на восток, также при переезде через Йорбаш. И тот и другой постойные пункты разростаются в поселки. На Янасальских двориках самый крупный дворник Василий Капитоныч Платонов, уроженец Вороновой слободки на Чебоксарском почтовом тракту, на берегу р. Цивиля, до переселения в Шуматовский приход дворничал на Цивильско Свияжском тракту.

По народной молве, путь по тракту на восток мимо Тӳттӳм пазар до первых двориков и сейчас считается не безопасным, а на запад—при переезде через реку Вылу. В этом последнем месте наводят страх на проезжающих жители чувашской деревни Васькиной, Чурашевского прихода.

Цена 58 к.